

Ж У Р Н А Л Ы

СОБРАНИЙ СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

за 1911-й годъ.

— — —
10 января 1911 года.

№ 1.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, А. А. Спасскій и М. М. Таръевъ; экстраординарные профессора—И. М. Громоглазовъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій и М. Д. Муретовъ, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ и М. М. Богословскій.

Въ собраніи семь директоръ Велико-Сорочинской учительской семинаріи имени Н. В. Гоголя, кандидатъ богословія, *Александръ Волкинъ* защищать на коллоквиумъ представленную имъ па соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Мессія по изображенію пророка Исаи. Опытъ библейско-богословскаго и критико - экзегетическаго изслѣдовапія пророчествъ Исаи о „Лицѣ Мессіи“. Кіевъ, 1908 г.

Официальными оппонентами были экстраординарные профессора Академіи: по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи священникъ *Е. А. Воронцовъ* и по кафедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіею древняго міра.— *Д. И. Введенскій*.

По окончаніи коллоквиума Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту магистрантомъ его диссертациі удовлетворительною.

Справка: 1) По § 175 устава духовныхъ академіи: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 174 испытаній“.—2) по § 110 лит. в п. 7 того же устава „удостоеніе степени магистра богословія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея па утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи директора Велико-Сорочинской учительской семинаріи имени Н. В. Гоголя, кандидата богословія, Александра Волнина въ степени магистра богословія.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертациі кандидата Волнина и копии съ отзывовъ о ней экстраординарныхъ профессоровъ Академіи—священника *Е. А. Воронцова* и *Д. И. Введенскаго*.

На семь журналѣвъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Янв. 20. Ходатайствовать“.

26 января 1911 года.

№ 2.

Присутствовали подъ прѣдсѣдательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Акаде-

ми—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыиць, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, И. В. Поповъ, И. М. Громогласовъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, М. М. Богословскій, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессор Н. А. Заозерскій и экстраординарный профессор П. П. Соколовъ.

Въ собраніи семь имѣли сужденіе:

I.—О способѣ замѣщенія вакантной въ Академіи каѣдры исторіи *Славянскихъ церквей и Румынской*.

Справка: 1) Определеніемъ отъ 15-го сентября минувшаго 1910 года (журналъ № 13-й) Совѣтъ Академіи ходатайствовалъ предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи замѣстить вакантныя въ Академіи каѣдры: а) Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта, Священнаго Писанія Новаго Заѣта, догматическаго богословія, церковнаго права и исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени—посредствомъ *рекомендаціи*, а б) каѣдру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской—посредствомъ *конкурса*.—На помянутомъ журналѣ № 13-й послѣдовала таковая резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Сент. 24. Разрѣшается замѣстить каѣдру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской посредствомъ конкурса, а остальные указаннныя здѣсь каѣдры посредствомъ рекомендаціи“.

2) На основаніи означенной резолюціи Его Высокопреосвященства и согласно § 71 устава духовныхъ академій, Совѣтъ Академіи въ собраніи своемъ 6-го октября 1910 года выработалъ условія конкурса на вакантную каѣдру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской и постановилъ объявить ихъ во всеобщее извѣстіе чрезъ напечатаніе въ академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“ и разсылку по высшимъ учебнымъ заведеніямъ и Правленіямъ духовныхъ семинарій.—Послѣднимъ срокомъ для представленія заявле-

ній о желаніи занять кафедру назначено было 15 декабря 1910 года.

3) Къ означенному сроку въ Совѣтъ Академіи поступило *единственное* прошеніе правщика Московской Синодальной Типографіи, магистра богословія, *Николая Серебрянскаго* слѣдующаго содержания:

„Представляя при семь curriculum vitae и пять изъ моихъ работъ, прошу Совѣтъ Академіи допустить меня къ соисканію кафедры по исторіи Славянскихъ церквей и Румынской“.

Къ прошенію были приложены слѣдующіе печатные труды г. Серебрянскаго: 1) „Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ съ критико-библіографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи Псковскаго монастырства“ (магистерская диссертация, одобренная Совѣтомъ Московской Духовной Академіи, 2) „Житіе преподобнаго Евфросина Псковскаго (первоначальная редакция)“, къ изданію приготовилъ Н. Серебрянскій; 3) „Замѣтки и тексты изъ Псковскихъ памятниковъ, I—V“; 4) „Къ вопросу о возникновеніи г. Пскова. (Историко-библіографическая замѣтка)“ и 5) рукописная замѣтка подъ заглавіемъ: „Два списка княжескихъ житій въ Псковскихъ пергаменныхъ прологахъ“.

4) Устава духовныхъ академій §§ 70—71: „При открывшейся вакансіи штатнаго преподавателя Совѣтъ избираетъ достойнаго кандидата на вакантную должность. Избраніе кандидатовъ можетъ совершаться или посредствомъ рекомендаціи, или посредствомъ конкурса; Совѣтъ примѣняетъ тотъ или другой способъ съ утвержденія мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея“.—„При избраніи посредствомъ рекомендаціи каждому изъ членовъ Совѣта предоставляется указать кандидата на вакантную должность преподавателя. При избраніи посредствомъ конкурса Совѣтъ объявляетъ во всеобщее извѣстіе объ открывшейся вакансіи, при чемъ публикуется и особая программа конкурса, точно указывающая требованія, которымъ должны удовлетворять желающіе занять кафедру. Въ обоихъ случаяхъ срокъ для всего дѣлопроизводства не долженъ быть выше полугода“.

Опредѣлили: Въ виду того, что къ соисканію кафедры исторіи Славянскихъ церквей и Румынской явилось только одно лицо, печатные труды котораго хотя и обвѣриваютъ въ

авторъ добросовѣстнаго работника, хорошо освѣдомленнаго въ древне-русской письменности, особенно агіографическаго характера, но не имѣютъ никакого отношенія къ предмету каѳедры,—признать конкурсъ несостоявшимся и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи избрать кандидата на помянутую каѳедру посредствомъ *рекомендаціи*.

II. О замѣщеніи вакантныхъ въ Академіи *должностей лекторовъ французскаго и англійскаго языковъ*, причѣмъ были выслушаны прошенія:

а) *Священника* Московской Василіе-Кесарійской, что на Тверской, церкви, кандидата богословія, *Николая Преображенскаго*:

„Представляя при семъ требуемое академическимъ уставомъ свидѣтельство на право преподаванія за № 70 (временное), покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи предоставить мнѣ вакантную въ Академіи должность лектора англійскаго языка“.

Приложенное къ прошенію временное удостовѣреніе Испытательнаго Комитета при Управленіи Московскаго Учебнаго Округа, отъ 25 января 1911 года за № 70, гласитъ слѣдующее: „Дано сіе священнику Николаю Преображенскому для представленія въ Московскую Духовную Академію въ томъ, что онъ подвергался въ Испытательномъ при Управленіи Московскаго Учебнаго Округа Комитетѣ спеціальному испытанію на званіе учителя гимназій по предмету англійскаго языка и оказалъ отличныя познанія.—Удостоенъ этого званія Преображенскій будетъ, по дачѣ имъ установленныхъ пробныхъ уроковъ, Г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа“.

б) И. д. доцента Академіи по каѳедрѣ общей гражданской исторіи, кандидата богословія, *А. К. Мишина*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи предоставить мнѣ преподаваніе французскаго или англійскаго языка. Въ Академіи я изучалъ оба названные языка и выдержалъ по нимъ экзамень. Требуемое уставомъ свидѣтельство на право преподаванія обязуюсь доставить“.

Справка: 1) Другихъ заявленій о желаніи занять вакант-

ныя въ Академіи должности лекторовъ англійскаго и французскаго языковъ, кромѣ вышеизложенныхъ, въ Совѣтъ Академіи, не смотря на двукратное помѣщеніе объявленій о томъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“,—не поступало.— 2) По § 69 устава духовныхъ академій: „Лекторы новыхъ языковъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на право преподаванія, по предварительномъ, въ случаѣ надобности, удостовѣреніи Совѣта въ ихъ свѣдѣніяхъ и способности къ преподаванію“.—3) По § 110 лит. б п. I устава избраніе кандидатовъ на должности лекторовъ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Избрать и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи: а) священника Московской Василіе-Кесарійской, что на Тверской, церкви *Николая Преображенскаго*—въ должности лектора англійскаго языка, а и. д. доцента Академіи по кафедрѣ общей гражданской исторіи *А. К. Мишина*—въ должности лектора французскаго языка (последняго—съ обязательствомъ представить требуемое академическимъ уставомъ свидѣтельство на право преподаванія).

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Февр. 14. По ст. 1. Разрѣшается избрать кандидата на кафедре исторіи Славянскихъ церквей и Румынской посредствомъ рекомендаціи. По ст. 2. Священникъ Преображенскій и и. д. доцента Академіи Мишинъ утверждаются—первый лекторомъ англійскаго языка, а второй—французскаго“.

26 января 1911 года.

№ 3.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій

и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—С. П. Соболевскій, И. В. Поповъ, И. М. Громогласовъ, С. П. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, М. М. Богословскій, Д. П. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: I. а) Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи 17-го декабря 1910 года, № 27: „1911 г. Янв. 20. По ст. III. Въ виду небезосновательнаго протеста профессора Бѣляева, выраженаго имъ и въ отдѣльномъ мнѣніи, и въ особомъ дополнительномъ письмѣ, при семъ прилагаемомъ, предлагаю Совѣту вопросъ о выдачѣ Мухановскихъ пособій подвергнуть новому обсужденію. Прочее утверждается“.

б) Особое мнѣніе сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *А. Д. Бѣляева* по вопросу о присужденіи въ собраніи Совѣта 17-го декабря 1910 года пособій изъ процентовъ съ капитала П. А. Мухановой, приложенное къ журналу означеннаго собранія:

„Симъ моимъ мнѣніемъ честь имѣю заявить, что я имѣю не только право, но даже преимущественное право получить Мухановское пособіе въ 1910 г., а между тѣмъ Совѣтъ Академіи не соблаговолилъ присудить его мнѣ. Основывался онъ на правилѣ, установленномъ Совѣтомъ 19 декабря 1897 (1907) г., которое воспрещаетъ присуждать преміи сверхштатнымъ преподавателямъ. А я утверждаю, что это правило не имѣетъ ни малѣйшей юридической силы. Оно не только не было утверждено высшею властію, но даже не было доложено ей. Мало того: оно не было внесено въ протоколы Совѣта. Почему? Да потому, что оно незаконно и юридически совершенно ничтожно, представляя явное и рѣзкое противорѣчіе закону, подъ каковымъ нужно разумѣть положеніе о Мухановскихъ пособіяхъ, выработанное самимъ же Совѣтомъ и утвержденное высшею властію. Въ первомъ параграфѣ этого положенія сказано, что пособія изъ процентовъ съ Мухановскаго капитала выдаются преподавателямъ штатнымъ и *сверхштатнымъ*. Совѣтъ могъ, если

онъ находилъ нужнымъ, войти съ мотивированнымъ представленіемъ къ митрополиту объ измѣненіи положенія въ томъ, что сверхштатные преподаватели не должны быть удостоиваемы Мухановскихъ пособій, и если бы это представленіе было утверждено, то это былъ бы настоящій путь закона. Нужно даже удивляться тому, что это правило доселѣ никѣмъ не было опротестовано. Впрочемъ и самъ Совѣтъ не былъ послѣдователенъ въ примѣненіи этого правила, присудивши Мухановское пособіе лектору нѣмецкаго языка В. П. Лучинину, въ то время, когда онъ уже былъ на пенсіи и служилъ въ Академіи по найму, а такая служба ниже сверхштатной.

А ко мнѣ правило отъ 19-го декабря 1897 (1907) года не можетъ быть даже и примѣнено во всей силѣ, потому что я шесть лѣтъ не получалъ Мухановскаго пособія, и въ этотъ періодъ времени штатнымъ профессоромъ я былъ почти шесть лѣтъ, а сверхштатнымъ всего два съ половиной мѣсяца. А вѣдь Мухановское пособіе, какъ служебная награда, должно быть дано за всѣ шесть лѣтъ службы, а не за послѣдніе только мѣсяцы.

Судя по преніямъ, можно думать, что въ нѣкоторыхъ членахъ Совѣта нежеланіе присудить мнѣ пособіе было вызвано тѣмъ соображеніемъ, что денежно я болѣе обезпеченъ, чѣмъ нѣкоторые другіе кандидаты на получение пособія.

Противъ такого соображенія я могу сказать, что Мухановскія пособія не суть милостыня, подаваемая нуждающимся, а награда за службу. Это преміи, а не подачки. Премія за сочиненіе можетъ быть присуждена миллионеру и не присуждена голодающему писателю, и въ этомъ не будетъ никакой несправедливости. Самъ Совѣтъ всегда держался такой точки зрѣнія на Мухановскія пособія. Для выдачи ихъ онъ установилъ принципъ старшинства. Первыми получили Мухановскія пособія ординарные, т. е. наиболѣе обезпеченные профессора. Въ протоколахъ прямо писалось: получилъ пособіе такой-то профессоръ, служащій въ Академіи съ такого-то года. А если бы Мухановскія пособія были чисто благотворительныя, тогда слѣдовало бы награждать преимущественно, если только не исключительно, младшихъ профессоровъ, какъ получающихъ наименьшее жалованье. Между тѣмъ само положеніе о Мухановскихъ пособіяхъ прямо воспрещаетъ при-

суждать ихъ лицамъ, прослужившимъ менѣе пяти лѣтъ. Что Совѣтъ не призналъ возможнымъ лишать Мухановскихъ пособій профессоровъ прямо богатыхъ, это видно изъ того, что въ 1897 и 1902 г.г. эти пособия были присуждены профессору В. О. Ключевскому, получавшему жалованье чуть не втрое больше оклада ординарнаго профессора Академіи. Иначе и нельзя было поступить, если Мухановскимъ пособиямъ придано значеніе не помощи бѣднякамъ, а служебныхъ наградъ. При такомъ ихъ значеніи невыдача пособия заслужившему его есть нравственный ударъ, болѣе тяжкій, чѣмъ матеріальный ущербъ. Въ данномъ случаѣ этотъ ударъ нанесенъ мнѣ и, смѣю думать, незаслуженно нанесенъ, а потому я и вынуждаюсь заявить протестъ противъ него.

Я сказалъ, что я не только имѣю право получить Мухановское пособие, но и считаю это право преимущественнымъ предъ правомъ нѣкоторыхъ другихъ кандидатовъ на пособия и получившихъ ихъ отъ Совѣта. Теперь поясню эти слова. Я долженъ былъ получить пособие еще въ прошломъ году, что видно изъ слѣдующаго нагляднаго примѣра. Въ прошломъ году пособие получилъ М. Д. Муретовъ, а я не получилъ, не смотря на то, что я имѣлъ предъ нимъ преимущество двоякаго старшинства: старшинства по службѣ въ Академіи и старшинства полученія пособия въ предъидущій разъ; я получилъ пособие въ 1904 г., а онъ въ 1905 году. Тогда къ этой несправедливости я отнесся равнодушно, рассуждая, что получить пособие годомъ раньше, годомъ позже — разница небольшая. Между тѣмъ нынѣ мнѣ пособия не присудили, не смотря на то, что должны были присудить его мнѣ еще въ прошломъ году. Помимо старшинства преимущественное право мое на полученіе пособия заключается въ томъ, что неполученіе пособия нынѣ любымъ изъ пяти членовъ корпораціи, которымъ оно присуждено, есть только отсрочка полученія до слѣдующаго года, а для меня неприсужденіе мнѣ пособия есть окончательное лишеніе его, такъ какъ въ декабрѣ 1911 года я уже не буду состоять на службѣ въ Академіи. Кстати скажу, что для соблюденія принципа старшинства нынѣ правильнѣе было безсемейнымъ присуждать изъ пяти пособій два, а не одно“.

в) Письмо на имя Его Высокопреосвященства сверх-

штатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *А. Д. Бяляева*:

„Въ поясненіе къ моему особому мнѣнію о присужденіи Мухановскихъ пособій въ засѣданіи Совѣта 17-го декабря считаю нужнымъ доложить Вамъ, Ваше Высокопреосвященство, слѣдующее:

Ошибка, допущенная Совѣтомъ по этому дѣлу, заключается не въ томъ, что присуждено пособіе о. Евгенію Александровичу Воронцову: онъ 7 лѣтъ не получалъ пособія и вполне достоинъ получить его. Поэтому и баллотировка, предложенная не кстати г. Секретаремъ, для рѣшенія вопроса—мнѣ, или о. Евгенію дать пособіе, была совершенно не умѣстна.

Ошибка Совѣта въ томъ, что въ текущемъ году онъ присудилъ безсемеинымъ одно, а не два пособія (по правиламъ Совѣтъ каждый разъ обсуждаетъ вопросъ—дать ли семейнымъ три, а безсемеинымъ два пособія, или семейнымъ четыре, а безсемеинымъ одно пособіе). Рѣшенъ былъ этотъ вопросъ не чрезъ обсужденіе того, кто болѣе, кто менѣе достоинъ получить пособіе, а путемъ баллотировки. Что баллотировка не могла дать безпристрастнаго рѣшенія этого вопроса, это видно уже изъ того, что членовъ Совѣта семейныхъ въ засѣданіи было 9, а безсемеинныхъ всего 4. Въ результатъ вышло, что экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ, не получавшій пособія всего 4 года (получилъ въ 1906 г.), получаетъ его нынѣ. Равнымъ образомъ получаетъ нынѣ пособіе и бібліотекаръ К. М. Поповъ, не получавшій его только 4 года. А я не получалъ пособія 6 лѣтъ (последній разъ получилъ въ 1904 г.) и не получаю нынѣ. Эта несправедливость увеличивается тѣмъ еще, что если Смирновъ, или Поповъ не получаютъ пособія нынѣ, они непременно получаютъ его чрезъ годъ, а для меня невыдача пособія теперь есть окончательное лишеніе его. Я имѣлъ право получить пособіе еще въ прошломъ году, и если не настаивалъ на своемъ правѣ, то только потому, что надѣялся получить его нынѣ. Неужели я меньше услужилъ академіи, нежели бібліотекаръ? Никакой купецъ приказчика, прослужившаго у него 35 лѣтъ честно и усердно, не отпуститъ безъ награды, даже сверхдолжной. Но академическій Совѣтъ разсудилъ иначе. Въ извиненіе Совѣта можно ука-

зять только то, что о годѣ предыдущаго полученія пособій профессоромъ Смирновымъ и бібліотекаремъ Поповымъ г. Секретаремъ Совѣту доложено не было. А члены Совѣта не знаютъ, и не могутъ знать, когда кто получалъ раньше пособія.

Что касается до вопроса о нуждѣ или бѣдности, то въ Академіи бѣдняковъ нѣтъ вовсе, а есть только болѣе и менѣе состоятельные люди. При равныхъ другихъ условіяхъ, конечно, нужно дать пособіе менѣе состоятельному, нежели болѣе достаточному. Но Мухановскія пособія суть пособія наградныя, за службу. Поэтому они всегда были выдаваемы членамъ академической корпораціи въ порядкѣ старшинства, при чемъ вопросъ о томъ, кто богатъ, кто бѣденъ, никогда не былъ и возбуждаемъ. Лишеніе служебной награды очень непріятно тѣмъ, что оно показываетъ невниманіе или нерасположеніе къ тому, кого лишаютъ награды, да притомъ еще несправедливо. Для меня непріятность этого дѣла усугубляется тѣмъ, что оно приключилось въ самомъ концѣ моей службы въ Академіи. По совѣсти могу сказать, что я и съ ненавидящими мира старался быть въ мирѣ, но нельзя же уступать всегда и вездѣ.

Надѣюсь на Вашъ нелицеприятный судъ“.

На означенномъ письмѣ надпись Его Высокопреосвященства: „Читано Янв. 20 дня“.

Опредѣлили: 1) Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству нижеслѣдующія объясненія по поводу опротестованнаго сверхштатнымъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ А. Д. Бѣляевымъ постановленія Совѣта Академіи отъ 17 декабря 1910 года относительно присужденія изъ процентовъ за 1910-й годъ съ капитала имени П. А. Мухановой пособій членамъ академической корпораціи:

а) Совѣтъ Академіи не раздѣляетъ и никогда не раздѣлялъ взгляда профессора А. Д. Бѣяева на Мухановскія пособія, какъ на *исключительно служебныя награды*, выдаваемыя по старшинству службы и аналогичныя преміямъ за ученые труды, которыя могутъ быть присуждены, безъ нарушенія справедливости, милліонеру и не присуждены голодающему писателю. Ни въ завѣщаніи жертвовательницы, ни въ дѣйствующихъ „Правилахъ“ о присужденіи пособій (ка-

ковья „Правила“ только и признаетъ нынѣ профессоръ А. Д. Бѣляевъ „закономъ“) нѣтъ и намека на подобный взглядъ. Напротивъ,—п. п. 4-й („Проценты съ другой части Мухановскаго капитала, напаченные на „дополнительныя къ жалованью пособія членамъ академической корпораціи, ежегодно распредѣляются въ декабрьскомъ засѣданіи Совѣта на пять равныхъ частей, изъ коихъ ежегодно *не менѣе трехъ* выдается семейнымъ и *не менѣе одной*—безсемейнымъ лицамъ“) и 6-й („Въ случаѣ какихъ-либо особенно тяжелыхъ обстоятельствъ или крайней нужды пособие можетъ быть назначено или въ усиленномъ размѣрѣ (черезъ соединеніе двухъ частей въ одну) или вторично, хотя бы лицо нуждающееся уже получило пособие въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ, а равно прослужившимъ и менѣе 5 лѣтъ“) „Правила“ ясно указываютъ на другой принципъ, положенный въ ихъ основу, именно—степень нужды въ пособіи того или другого члена академической корпораціи.—Какъ видно изъ изложенной въ справкѣ къ статьѣ III-й журнала собранія Совѣта 17 декабря 1910 года, № 27, исторіи примѣненія Совѣтомъ Академіи помянутыхъ „Правилъ“ за предшествующіе 15 лѣтъ (1895—1909), съ 1897-го года Совѣтъ Академіи, дѣйствительно, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній между членами академической корпораціи, рѣшилъ (не внося своего постановленія въ журналъ и не дополняя ничѣмъ дѣйствовавшихъ „Правилъ“) руководствоваться при назначеніи Мухановскихъ пособій принципомъ старшинства службы, не обходя и людей богатыхъ, но онъ при этомъ никогда не забывалъ бѣдныхъ и при каждомъ нарушеніи нормальнаго порядка жизни примѣнялъ п. 6-й „Правилъ“, назначая пособие члену корпораціи, находящемуся въ какихъ-либо особенно тяжелыхъ обстоятельствахъ, не въ очередь.

б) Особенно рѣзко протестуетъ профессоръ А. Д. Бѣляевъ противъ постановленія Совѣта Академіи отъ 19 ноября 1907 года относительно невыдачи Мухановскихъ пособій *сверхштатнымъ профессорамъ*, получающимъ одновременно и пенсіи, и особое вознагражденіе за чтеніе лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ, указывая, что постановленіе это не было внесено въ журналы Совѣта, не утверждено высшею властію и противорѣчитъ „Правиламъ“, которыя предусматриваютъ назначеніе пособій „преподавателямъ штатнымъ и сверх-

штатнымъ“. Какъ уже выяснено было въ вышеупомянутой справкѣ къ ст. III-й журнала № 27-й, Совѣтъ Академіи, внося въ 1895-мъ году въ п. I-й „Правилъ“ упоминаніе о преподавателяхъ „сверхштатныхъ“, имѣлъ въ виду *единственнаго* въ то время сверхштатнаго преподавателя Академіи—*Д. О. Голубинскаго*, читавшаго предметъ не положенный академическимъ уставомъ (естественно-научную апологетику), получавшаго жалованье (2000 р.) изъ суммъ Московской каѳедры, отъ казны же—лишь 429 рублей въ годъ пенсіи. Къ нему ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приравнены нынѣшніе сверхштатные профессора (институтъ коихъ учрежденъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 19 октября 1907 года), остающіеся, по выходѣ въ отставку, пожизненными членами Совѣта и получающіе въ годъ 3000 рублей пенсіи и 1200 рублей особаго вознагражденія за чтеніе лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ. Признавая таковыхъ лицъ вполне достаточно обезпеченными, Совѣтъ Академіи, въ собраніи своемъ 19 декабря 1907 года, и постановилъ: пособій изъ %%% съ капитала П. А. Мухановой имъ не назначать.—Таковое отношеніе къ сверхштатнымъ профессорамъ признавалъ вполне справедливымъ и самъ профессоръ А. Д. Бѣляевъ, бывшій въ 1907-мъ году штатнымъ преподавателемъ Академіи: онъ подалъ голосъ за означенное поставленіе и въ теченіи трехъ лѣтъ не протестовалъ противъ примѣненія его къ сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи Н. А. Заозерскому.—Какъ и постановленіе 1897 года (относительно назначенія пособій „по старшинству службы“), помянутое рѣшеніе Совѣта относительно сверхштатныхъ профессоровъ не было занесено въ журналъ собранія 19 декабря 1907 года, хотя сохранило для самого Совѣта значеніе руководящаго принципа при назначеніи Мухановскихъ пособій, но почему первое изъ нихъ профессоръ А. Д. Бѣляевъ считаетъ „закономъ“, на которомъ по преимуществу и основывается его протестъ противъ распредѣленія Мухановскихъ пособій въ 1910-мъ году, а второе—„незаконнымъ и юридически ничтожнымъ“—Совѣту Академіи неизвѣстно.

Относительно указанія профессора А. Д. Бѣляева, что постановленіе Совѣта отъ 19 декабря 1907 года и *не можетъ* быть примѣнено къ нему во всей силѣ, потому что онъ шесть лѣтъ не получалъ Мухановскаго пособія, и въ этотъ

періодъ времени штатнымъ профессоромъ былъ почти шесть лѣтъ, а сверхштатнымъ всего два съ половиною мѣсяца,— Совѣтъ Академіи считаетъ долгомъ замѣтить, что въ еще бѣльшей строгости означенное постановленіе примѣнено было, съ одобренія самого проф. А. Д. Бѣляева, къ заслуженному ординарному профессору Н. А. Заозерскому: послѣдній уволенъ былъ въ отставку и назначенъ сверхштатнымъ профессоромъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 19 ноября 1907 года, т. е. *лишь за мѣсяць* до собранія Совѣта (19-го декабря 1907 года), на которомъ ему, какъ сверхштатному, отказано было въ назначеніи Мухановскаго пособія.

Точно также не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и указаніе проф. А. Д. Бѣляева на несправедливость, яко бы допущенную по отношенію къ нему Совѣтомъ назначеніемъ въ 1909-мъ году пособія заслуженному ординарному профессору Академіи М. Д. Муретову, предъ которымъ онъ, проф. Бѣляевъ, имѣлъ преимущество двоякаго старшинства: старшинства по службѣ въ Академіи и старшинства полученія пособія въ предъидущій разъ. — Дѣйствительно, предшествующее пособіе проф. Муретовъ получилъ годомъ позже проф. Бѣляева (1905—1904), но съ 1909-го года онъ, проф. М. Д. Муретовъ, перешелъ въ разрядъ и занесенъ былъ въ списокъ *семейныхъ* членовъ академической корпораціи, занявъ въ немъ *первое* мѣсто по старшинству службы, что и исполнѣ естественно, такъ какъ и по желанію жертвователницы, и по дѣйствующимъ „Правиламъ“ семейные члены корпораціи должны получать пособія чаще, чѣмъ безсемейные, въ списокъ *кто-рыхъ* остался проф. А. Д. Бѣляевъ.

в) Наконецъ, вопреки утвержденіямъ проф. А. Д. Бѣляева, Совѣтъ Академіи считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать, что при присужденіи Мухановскихъ пособій въ собраніи 17 декабря 1910 года не было допущено никакой ошибки—ни процессуальной, ни по существу дѣла.—Какъ только поставленъ былъ на обсужденіе данный вопросъ, секретаремъ Совѣта дана была подробная справка, по спискамъ, какъ о семейныхъ, такъ и о безсемейныхъ членахъ академической корпораціи, стоящихъ па очереди полученія Мухановскихъ пособій, *съ указаніемъ годовъ предшествующаго присужденія пособій каждому*.—Немедленно послѣ этого заявилъ о своемъ правѣ на полученіе пособія и профессоръ А. Д. Бѣляевъ,

уже исключенный изъ списка безсемейныхъ членовъ корпораціи согласно постановленію Совѣта Академіи отъ 19 декабря 1907 года, высказавъ тѣ же самыя соображенія, которыя онъ впослѣдствіи изложилъ письменно въ своемъ „особомъ мнѣніи“.—Такимъ образомъ, прежде чѣмъ приступить къ какимъ бы то ни было баллотировкамъ по данному вопросу, члены Совѣта были вполне освѣдомлены,—кто стоитъ на очереди получения пособія и на комъ и какъ отразится тотъ или иной результатъ голосованія.—Первый общій вопросъ, поставленный на голосованіе Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, былъ слѣдующій: *одно или два пособія назначать въ текущемъ году безсемейнымъ членамъ академической корпораціи?*—Профессоръ А. Д. Бѣляевъ утверждаетъ— 1) что до 1909 года этотъ вопросъ былъ рѣшаемъ *только* разсужденіями, безъ баллотировки, и 2) что таковая баллотировка не могла дать безпристрастнаго рѣшенія, ибо въ собраніи 19 декабря 1910 года участвовало 9 семейныхъ членовъ Совѣта и лишь 4 безсемейныхъ.—Относительно перваго утвержденія, за отсутствіемъ отмѣтокъ объ этомъ въ журналахъ Совѣта, трудно сказать что-либо определенное. Несомнѣнно одно, что баллотировка даннаго вопроса обуславливается п. 4-мъ дѣйствующихъ „Правилъ“ о Мухомовскихъ пособіяхъ, по которому назначеніе 5-го пособія семейному или безсемейному члену корпораціи предоставляется *усмотрѣнію Совѣта*. Вполнѣ возможно, что при единодушномъ соглашеніи всѣхъ членовъ Совѣта относительно кандидатовъ на пособія—надобности въ баллотировкѣ иногда и не представлялось, но въ настоящемъ случаѣ дѣло обстояло иначе. Изъ отвѣтныхъ репликъ членовъ Совѣта на заявленіе профессора А. Д. Бѣляева объ его *правѣ* на получение пособія въ 1910-мъ году ясно видно было, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые члены не желаютъ отступать отъ установленнаго въ 1907-мъ году принципа относительно сверхштатныхъ профессоровъ, и единодушія достигнуть невозможно. При такомъ положеніи дѣла единственнымъ выходомъ и было предложенное Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи открытое голосованіе, при чемъ 8-ю голосами противъ 5-ти на долю безсемейныхъ членовъ корпораціи удѣлено было одно пособіе, а семейнымъ—четыре.—Въ голосованіи принималъ участіе и профессоръ А. Д. Бѣляевъ, (какъ пода-

валь онъ, безъ всякаго протеста, голосъ по тому же вопросу и въ 1909 году) и только по выясненіи результатовъ онаго заявилъ, что онъ приложить къ журналу „особое мнѣніе“.— Относительно несправедливаго и оскорбительнаго обвиненія проф. А. Д. Бѣляевымъ семейныхъ членовъ Совѣта въ пристрастїи по данному вопросу достаточно замѣтить, что изъ 5-ти членовъ Совѣта, подавшихъ голосъ за назначеніе въ 1910-мъ году безсемейнымъ членамъ корпораціи *двухъ* пособій (при чемъ предполагалась возможность, что Совѣтъ отступить отъ установленнаго въ 1907-мъ году принципа и одно изъ пособій назначить, въ видѣ исключенія, проф. А. Д. Бѣляеву) былъ лишь *одинъ безсемейный* (самъ проф. А. Д. Бѣляевъ), а остальные *четверо* (проф. А. П. Шостьинъ, Н. А. Заозерскій, А. П. Голубцовъ и С. И. Смирновъ)—*семейныя*.

Что Совѣтъ и въ прежнее время, не смотря на преобладаніе въ его составѣ семейныхъ членовъ, относился вполне безпристрастно къ безсемейнымъ членамъ академической корпораціи при распредѣленіи Мухановскихъ пособій,—свидѣтельствуется уже упомянутый въ справкѣ къ ст. III-й журнала № 27-й фактъ, что за предшествующіе 14 полныхъ лѣтъ (1896—1909) со времени поступленія въ Академію Мухановскаго капитала 5-е пособие назначалось Совѣтомъ вполне равномерно: въ теченіе 7 лѣтъ (1896, 1898, 1899, 1900, 1905, 1906 и 1909)—*семейнымъ* и также въ теченіи 7 лѣтъ (1897, 1901, 1902, 1903, 1904, 1907, 1908)—*безсемейнымъ* членамъ корпораціи, хотя воля жертвовательницы давала Совѣту право и на нѣсколько иное отношеніе къ послѣднимъ.

Относительно второй баллотировки по тому же вопросу въ письмѣ профессора А. Д. Бѣляева на имя Его Высокопреосвященства сказано слѣдующее: „Ошибка, допущенная Совѣтомъ по этому дѣлу, заключается не въ томъ, что присуждено пособие о. Евгенію Александровичу Воронцову: онъ 7 лѣтъ не получалъ пособія и вполне достоинъ получить его. Поэтому и баллотировка, предложенная не ксати г. Секретаремъ, для рѣшенія вопроса—мнѣ, или о. Евгенію дать пособие, была совершенно не умѣстна“.—Вторая половина этого утвержденія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, баллотировки въ собраніяхъ Совѣта Московской Духовной Академіи всегда предлагаются и вопросы

для нихъ окончательно формулируются Преосвященнымъ Предсѣдателемъ Совѣта, какъ было и въ настоящемъ случаѣ; на обязанности секретаря Совѣта лежитъ лишь опросъ присутствующихъ въ собраніи членовъ Совѣта, отмѣтка въ списокѣ результатовъ голосованія и объявленіе послѣднихъ. Во-вторыхъ и самый вопросъ, поставленный на баллотировку, формулированъ былъ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи иначе, чѣмъ утверждаетъ профессоръ А. Д. Бѣляевъ.—Результатомъ первой баллотировки, въ сущности, уже предпрѣшено было постановленіе Совѣта о распредѣленіи въ 1910-мъ году Мухановскихъ пособій. Разъ Совѣтъ призналъ справедливымъ, съ одной стороны, назначить въ этомъ году четыре пособія семейнымъ и одно безсемейнымъ членамъ корпораціи, и никѣмъ изъ членовъ Совѣта, съ другой, не было заявлено, что кто-либо изъ членовъ академической корпораціи, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, испытываетъ крайнюю нужду въ пособіи,—пособія должны были получить лица, занимавшія по старшинству службы и годамъ предшествующаго полученія пособій *первыя* мѣста въ спискахъ.—И дѣйствительно, вторичное перечисленіе секретаремъ Совѣта именъ таковыхъ кандидатовъ на пособія по списку *семейныхъ* (проф. М. М. Тарѣва и С. П. Смирнова, бібліотекаря К. М. Попова и проф. А. П. Орлова) и *безсемейныхъ* (проф. свящ. Е. А. Воронцова) членовъ корпораціи не встрѣтило открытыхъ возраженій ни въ комъ изъ присутствовавшихъ въ собраніи.—Но въ виду уже заявленнаго профессоромъ А. Д. Бѣляевымъ протеста, Преосвященный Ректоръ Академіи не удовлетворился этимъ, повидимому, единодушнымъ соглашеніемъ (въ чемъ, какъ видно изъ послѣдующаго, и оказался правъ) и, для бѣльшей ясности дѣла, предложилъ провѣрить голосованіемъ,—присуждаетъ ли Совѣтъ Академіи пособие, назначенное имъ для *безсемейныхъ* членовъ корпораціи,—проф. священнику Е. А. Воронцову? Какъ отмѣчено въ журналѣ собранія Совѣта 17 декабря 1910 года, № 27,—„произведеннымъ голосованіемъ (отъ котораго заинтересованныя лица—проф. А. Д. Бѣляевъ и священникъ Е. А. Воронцовъ—воздержались) выяснилось, что *противъ* назначенія пособия священнику Е. А. Воронцову высказался только 1 членъ Совѣта Академіи (Инспекторъ—проф. А. П. Шостинъ)“.

2) Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что по всестороннемъ обсужденіи вопроса Совѣтъ, какъ показало произведенное въ настоящемъ собраніи открытое голосованіе, *единогласно* (противъ голоса одного профессора А. Д. Бѣляева) высказался за оставленіе въ силѣ своего прежняго рѣшенія относительно распредѣленія въ 1910-мъ году Мухановскихъ пособій,—вновь ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи постановленія Совѣта Академіи отъ 17-го декабря 1910 года о назначеніи изъ процентовъ за 1910-й годъ съ капитала, завѣщаннаго П. А. Мухановою, пособій слѣдующимъ членамъ академической корпораціи: ординарному профессору Михаилу *Таръеву*, экстраординарнымъ профессорамъ—священнику Евгенію *Воронцову*, Сергѣю *Смирнову*, Анатолію *Орлову* и бібліотекарю Академіи Константину *Попову*, по равной суммѣ—200 рублей—каждому.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Февр. 15. Постановленіе Совѣта Академіи отъ 17 Декаб. 1910 г. о назначеніи Мухановскихъ пособій утверждается“.

26-го января 1911 года.

№ 4.

Присутствовали, подъ предѣлательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго.—Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. П. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—С. П. Соболевскій, П. В. Поповъ, П. М. Громогласовъ, С. П. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, М. М. Богословскій, Д. П. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Янв. 4. Въ Совѣтъ Московской Духовной

Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 31 декабря 1910 года за № 18620:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 11 Декабря сего года № 475, по ходатайству Совѣта Московской Духовной Академіи *объ учрежденіи* при оной *второй стипендіи* имени покойнаго почетнаго гражданина города Москвы *Василія Алексѣевича Бахрушина*. Приказали: Согласно представленію Вашего Преосвященства, отъ 8 декабря 1909 г. за № 555, Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ отъ 9—23 Января сего года № 87, учредилъ при Московской Духовной Академіи стипендію имени покойнаго почетнаго гражданина города Москвы *Василія Алексѣевича Бахрушина* на проценты съ завѣщаннаго имъ капитала въ 8000 р., возросшаго поступленіемъ на оный процентовъ до восьми тысячъ пятисотъ пятидесяти руб., и утвердилъ представленный Вашимъ Преосвященствомъ проектъ положенія о названной стипендіи. Нынѣ Ваше Преосвященство въ представленіи Святѣйшему Синоду изъясняете, что означенный капиталъ увеличился чрезъ пріобрѣтеніе на остатки отъ онаго одной облигаціи 2-го внутренняго 5% займа 1905 г. во 100 рублей и благодаря пожертвованію сыномъ *Василія Бахрушина Николаемъ Бахрушинымъ*, для учрежденія второй при Академіи стипендіи имени его отца, 21 облигаціи Россійскаго Государственнаго 5% займа 1906 г. на 3937 руб. 50 к., до суммы двѣнадцати тысячъ пятисотъ восьмидесяти семи рублей пятидесяти копѣекъ, проценты съ каковой суммы вполне обезпечиваютъ содержаніе въ академическомъ общежитіи двухъ стипендіатовъ; въ виду сего Совѣтъ Академіи ходатайствуетъ *объ учрежденіи* при Академіи второй стипендіи имени *Василія Алексѣевича Бахрушина* на основаніяхъ, изложенныхъ въ положеніи о первой стипендіи того же имени. Рассмотрѣвъ изложенное, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: учредить при Московской Духовной Академіи вторую стипендію имени покойнаго почетнаго гражданина города Москвы *Василія Алексѣевича Бахрушина* на основаніяхъ, изложенныхъ въ положеніи о первой стипендіи того же имени, утвержденномъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 9—23 Января 1910 года за № 87; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству.

II. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 17 декабря 1910 года, № 28: „1911 г. Янв. 20. По ст. XV. Дѣйствительный студентъ Академіи Мальгиновъ утверждается въ степени кандидата богословія. Прочее смотрѣно“.

б) 10 января 1911 года, № 1: „1911 г. Янв. 20. Ходатайствовать“.

Опредѣлили: 1) Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію.—2) Объ утвержденіи дѣйствительнаго студента Академіи Бориса *Мальгинова* въ степени кандидата богословія, съ предоставленіемъ ему права при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній, сообщить Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ, съ провожденіемъ въ Комитетъ и кандидатаческаго диплома Мальгинова.

III. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ паставщиками Академіи лекціяхъ въ декабрь мѣсяцъ минувшаго 1910 года, изъ которой видно, что—а) *по служебнымъ дѣламъ*: Ректоръ Академіи Епископъ Теодоръ опустилъ 2 часовыхъ лекціи; б) *по болѣзни*: Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь—6 лекцій (8 часовъ), экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ—4 лекціи (5 часовъ), сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій—2 лекціи (3 часа), ординарные профессора А. И. Введенскій и С. С. Глаголевъ, экстраординарный профессоръ С. П. Смирновъ и и. д. доцента П. А. Флоренскій—по 2 часовыхъ лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

IV. Отзывы о сочиненіи и. д. доцента Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, кандидата богословія, священника Д. В. *Рождественскаго* подъ заглавіемъ: „Книга пророка Захаріи. — Педагогическое изслѣдованіе. — Выпускъ первый.—Введеніе.—Писатель и его время.—Анализъ со-

держанія книги“. — Сергіевъ Посадъ, 1910 г. представленномъ на соисканіе степені магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологій священника *Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Рождественскаго состоитъ 1) изъ небольшого введенія, 2) 3 главъ, 3) выдѣленныхъ въ обширное приложение „примѣчаній“ и 4) разнородныхъ указателей. Не смотря на значительный для трактуемаго предмета объемъ, сочиненіе о. Рождественскаго не обнимаетъ всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ сферу исагогическаго изслѣдованія о книгѣ пророка Захаріи: на стр. 3 введенія о. Рождественскій, намѣчая рубрики своего изслѣдованія, говоритъ, что послѣ анализа содержанія книги пророка Захаріи, на каковомъ и останавливается „выпускъ первый“ его работы, должны быть разрѣшены вопросы, касающіеся происхожденія и судьбы книги, съ обращеніемъ особаго вниманія на затронутый западною критикою вопросъ объ единствѣ книги (разумѣются гипотезы о Деветерозахаріи). На стр. 5 того же введенія о. Рождественскій высказывается еще опредѣленнѣе о проектируемомъ содержаніи слѣдующаго выпуска его работы: за анализомъ содержанія послѣдуетъ выясненіе міросозерцанія и стилистическихъ приемовъ пророка-автора, особенностей содержанія и изложенія его книги; отмѣчены будутъ вліянія, отразившіяся на разбираемомъ памятникѣ, и выяснено отношеніе его къ Новому Завѣту. Исторія внѣшней судьбы памятника начата будетъ съ вопроса о времени и мѣстѣ его происхожденія,—насколько возможно, въ отнесеніи къ каждому отдѣлу пророческой книги, въ частности. Далѣе намѣчаются вопросы: о каноническомъ достоинствѣ, подлинности и неповрежденности книги пророка Захаріи, о важнѣйшихъ переводахъ, толкованіяхъ и вообще о литературѣ, касающейся этой книги. Какъ видно изъ изложенія плана работы о. Рождественскаго, самъ авторъ считаетъ свое представленное въ печатномъ видѣ изслѣдованіе лишь небольшою вступительною частью сложной научной богословской штудіи. Подлежащее рецензій сочиненіе распадается на 3 главы, изъ которыхъ первая занимается личностью пророка, вторая—характеристикою эпохи его жизни и дѣятельности, а третья заключительная обобщаетъ по выработап-

ной авторомъ схемѣ содержаніе книги. Рубрики въ трудѣ о Рождественскаго вполне естественны, повторяясь въ каждой Богословской энциклопедіи при трактаціи подобнаго предмета и въ большинствѣ частныхъ исагогикъ. Первая глава, равно какъ и послѣдующія, имѣетъ болѣе мелкіе параграфы, здѣсь подъ № 1 идетъ рѣчь объ имени пророка, подъ № 2—о свѣдѣніяхъ, касающихся жизни пророка и почерпаемыхъ изъ Священнаго Писанія, подъ № 3—о преданіяхъ, іудейскихъ и христіанскихъ, имѣющихъ въ виду личность и дѣятельность пророка. Вторая глава посвящена обзору исторіи Персидской монархіи въ эпоху, соприкасающуюся съ реставраціею іудейскаго государства и культура, здѣсь говорится 1) о завоеваніяхъ Кира, его преемникахъ на Персидскомъ тронѣ, 2) объ окончаніи Вавилонскаго плѣна, о первыхъ годахъ устроенія на родинѣ (въ отечествѣ) возвратившихся плѣнниковъ, о возсозданіи Іерусалимскаго храма и въ 3) объ идеяхъ, настроеніяхъ и надеждахъ, господствовавшихъ въ іудейскомъ обществѣ даннаго періода. Въ 3 главахъ авторъ конспективно излагаетъ содержаніе книги пророка Захаріи, различая въ ней 2 части, изъ которыхъ первая обнимаетъ начальныя 8 главъ, а вторая заключительныя 6 главъ. Здѣсь у автора пересказъ текста книги пророка, съ краткими связывающими отдѣльныя группы видѣній и изреченій собственными экзегетическими экскурсами. Примѣчанія къ тексту 3 главъ изслѣдованія о Рождественскаго по мѣстамъ детальны и представляютъ научный аппаратъ работы, многіе пункты здѣсь даютъ хорошій библиографическій справочникъ для лицъ, которыя пожелали бы самостоятельно пройти по пути, какимъ шель о Рождественской. Въ отношеніи „указателей“ приходится сказать, что они гипертрофированы и безъ ущерба для читателя могли бы быть сокращены.

Изъ погрѣшностей работы о Рождественскаго нужно отмѣтить относительную безцѣльность его нарочитаго „введенія“ къ его исагогическому труду. На маломъ числѣ страницъ авторъ пытается разрѣшить серьезные вопросы Библейскаго экзегесиса и вообще Библиологии и по-неволѣ проходитъ здѣсь воздушнымъ шагомъ, оставляя у читателя желаніе услышать о затрогиваемыхъ пунктахъ подробнѣе. Значеніе „введенія“ для наличнаго изслѣдованія о Рождествен-

скаго—весьма невелико, здѣсь онъ болѣе говоритъ объ общемъ планѣ своихъ занятій, чѣмъ о представленномъ для рецензій педагогическомъ трудѣ; введеніе отгвняетъ фрагментарность изслѣдовапія, о каковой можетъ догадываться свѣдующій читатель самъ по себѣ. Во всякомъ случаѣ „введеніе“ механически пришито къ работѣ и какого-либо самостоятельнаго научнаго значенія не имѣетъ. Иное дѣло 3 главы въ изслѣдованіи о Рождественскаго, на составленіе которыхъ имъ потрачено много труда, вѣдшимъ показателемъ котораго являются весьма цѣнные „примѣчанія“. Меньшую погрѣшность составляетъ замѣчаемое по мѣстамъ въ работѣ несходство педагогическихъ принциповъ изслѣдователя съ его методомъ изложенія добытыхъ данныхъ, но относящіяся сюда вопросы удобнѣе сдѣлать предметомъ обсуждения на коллоквиумѣ, чѣмъ детально выяснять въ отзывѣ. Указываемыя погрѣшности нисколько не колеблютъ научнаго удѣльнаго вѣса труда о Рождественскаго: въ его отношеніи къ предмету изслѣдованія замѣтенъ тонкій экзегетъ аналитикъ, владѣющій солиднымъ знаніемъ еврейскаго языка, а потому можно только пожелать, чтобы, пройдя первый этапъ въ дѣлѣ литературной обработки своихъ студій, о Рождественскій *завершилъ* свое педагогическое изслѣдованіе къ чести свей кафедры и Академической науки. Степени магистра богословія о Рождественскій заслуживаетъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретова*:

„Диссертация о Димитрія, какъ это видно изъ „выпускъ первый“ на заглавномъ листѣ и изъ заявленія автора на 5—6 стр., есть только начало предполагаемаго авторомъ обширнаго изслѣдовапія о книгѣ прор. Захаріи и представляетъ только небольшую часть введенія къ священной книгѣ. Отъ этого, по моему мнѣнію, зависятъ многія особенности диссертации.“

І. Диссертация начинается спискомъ „источниковъ и пособій“, коими „постоянно пользовался“ авторъ, такъ какъ, по его замѣчанію, „пособія, изъ которыхъ дѣлаются немногочисленныя и случайныя справки, здѣсь не помечованы“.

Однако-жь въ этомъ списокѣ есть пробѣлы: по текстологін, гебраистикѣ и экзегесу. Особаго и подробнаго указанія здѣсь, по моему мнѣнію, требуютъ опущенія изъ древне-христіанской литературы, какъ по важности ея для церковно-православной науки, такъ и по ея сравнительной скудости по данному предмету: а., греческой: 1) *Евсевія Кесарійскаго*, въ *Demonstratio Evangelica*, толкованіе Зах. 14, 16—19 и 2, 10—11 (Migne, Patr. gr. t. XXII, col. 104. 108,—2) *Теодора Мопсуестійскаго*—обширнѣйшій и постишно изложенный комментарий на всю книгу пророка Захаріи, съ вводными свѣдѣніями о писателѣ книги (Migne, Patr. gr. t. LXVI, col. 493—596),—3) *Исидора Пелусіота*, къ Зах. 5, 7, въ *Epist.* III. 33 (Migne, Patr. gr. LXXVIII, col. 753),—4) *Анастасія Синаита*, къ Зах. 4, 1—3. 6, въ *Quaest.* 49 (Migne, Patr. gr. t. LXXXIX, col. 608—609),—5) *Максима Исповѣдника*, къ Зах. 4, 2—3 и 5, 1—4, въ *Quaest.* 62 и 63 (Migne, Patr. gr. t. XC, col. 645—665) и 6) *Гезихія*, In XII prophetas minores capita, хотя и изложенныя въ видѣ 32-хъ главъ или отдѣловъ книги, но въ изложеніи ихъ содержанія заключающія и объясненіе ихъ, напр.: пророчество о Новомъ Іерусалимѣ, созданномъ Христомъ,—о призваніи язычниковъ, о пришествіи Спасителя и дѣйствіи въ Немъ семи даровъ Святаго Духа и под., съ вводными свѣдѣніями о пророкѣ Захаріи,—б., латинской: 7) *Патерія*, *Expesitio Veteris et Novi Testamenti: De testimoniis in Zachariam prophetam*: къ Зах. 1, 14 (Ангель, говорившій въ пророкѣ),—3, 1 (первосвященникъ Іисусъ),—3, 9 (семь очей на камнѣ),—5, 2,—5, 5,—4, 15 и 12, 18 (Migne, Patr. lat. t. LXXIX, 1013—1018),—8) *Юліана*, *Antikeimena*, къ Зах. 12, 10 (Migne, Patr. lat. XCVI, col. 623),—также толкованія, хотя и компилятивныя, но значенія не лишеныя: 9) *Валафрида Страбо*, *Glossa ordinaria*, по Іерониму и Григорію Великому,—10) *Наумо*, *Enarratio in Zachariam* и 11) *Руперта* тоже по Іерониму.

Изъ Теодора Мопсуестійскаго у автора приводится только одно толкованіе Зах. 1, 9 на стр. 105, но цитатъ сдѣланъ по изданію Wegner'a и съ „cf. Leitner“, а на стр. 162 и 164,—въ общихъ вопросахъ и при общемъ указаніи на Теодора,—показанъ Migne 66 т. Надо поэтому полагать, что самъ авторъ не знакомъ съ обстоятельнымъ трудомъ Теодора по подлиннику. Также на Гезихія есть только общія указанія: на псевдо-гезихіевскую рецензію сказанія о жизни

пророковъ стр. 29 и къ Bethania, и то по Гамбургеру (стр. 174), а не по подлиннику. Евсеvій названъ только однажды въ связи съ Ономистикономъ его (стр. 170). И на Исидора Пелусіота сдѣлана ссылка только по общему вопросу (на стр. 166), а не на его толкованіе Зах. 5, 7. Прочіе писатели совсѣмъ не упоминаются въ книгѣ о Рождественскаго. Явленіе это тѣмъ страннѣе, что другихъ восточныхъ толкователей [Кирилла Александрійскаго, Θεодорита, Златоуста] и западныхъ [Иеронима], даже новѣйшихъ западныхъ и русскихъ писателей авторъ цитуетъ обильно,—напр., къ видѣнію афы и женщины (Зах. 5, 7) авторъ приводитъ даже Лютерово толкованіе, а Исидора Пелусіота пѣтъ (стр. 120 и прим. 71 стр. 201).

Но судя по тому, что дважды цитруется авторомъ [стр. 228 и 232] Фильдь, однажды Sabatier (стр. 21) и однажды [къ Зах. 1, 9 стр. 105] приводится толкованіе Θεодора Мопсуестійскаго,—очевидно нашъ авторъ при составленіи этого перваго и начинательнаго выпуска своего труда не ставилъ своею специальною задачею: всестороннее изученіе и подробную цитацію всѣхъ источниковъ и пособій предмета и всей его литературы, отлагая это до дальнѣйшихъ выпусковъ труда, какъ видно изъ сообщеній автора на 6 стр., что темы „о важнѣйшихъ переводахъ, толкованіяхъ и вообще литературѣ, касающейся данной книги“ составятъ предметъ слѣдующихъ выпусковъ.

II. Затѣмъ слѣдуетъ „введеніе“, состоящее изъ весьма коротенькихъ, совсѣмъ общихъ и отрывочно набросанныхъ замѣчаній, распадающееся на два отдѣла: „I) *задачи* (стр. 1—2 и прим. 10 стр. 163—164), *методъ* (стр. 2—3 и прим. 11 стр. 164—166) и *планъ* (стр. 3—6 и прим. 12—13 стр. 166) *предварительныхъ свѣдѣній вообще и о (?) книгѣ пророка Захаріи въ частности* (стр. 3—6),—и II) *авторитетъ Св. Писанія и Преданія* (стр. 6—7) и *свобода научнаго изслѣдованія*“ (стр. 7—9 и прим. 14—16 стр. 167—169).

Авторитетъ Св. Писанія и Преданія, богодухновенность и непогрѣшимость Писанія, естественная и сверхъестественная стороны въ немъ, свобода научнаго изслѣдованія Писаній, вѣра и разумъ, религія и наука:—все это вѣдь постоянные и вѣковѣчные вопросы христіанскаго богословія.

изъ коихъ нѣкоторые уже обсуждались въ раввинскихъ школахъ времяъ первохристіанства,—коихъ нѣкоторыя стороны прямо или косвенно затрогиваются уже въ рѣчахъ Христа и въ новозавѣтныхъ Писаніяхъ, составляли предметъ постоянныхъ разсужденій древне-христіанскихъ писателей въ полемикѣ съ ересями и сектами и конфессіальной полемики католичества, протестантства и православія, какъ и многочисленныхъ научно-объективныхъ изслѣдованій на всѣхъ европейскихъ языкахъ.... П..... одна-двѣ странички съ двумя-тремя коротенькими примѣчаніями тоже на двухъ-трехъ страничкахъ...

Отсюда:

или общія мѣста—въ разсужденіяхъ о задачѣ введенія (§ 1),—съ такимъ самымъ серьезнымъ образомъ изрекаемыми наставленіями, что „въ произведеніяхъ древности... мы, безъ предварительной подготовки, на каждомъ шагу встрѣчались бы съ непреодолимыми трудностями... Для чтенія и усвоенія [книгъ Св. Писанія] предварительная подготовка въ особенности необходима: для того, чтобы проложить путь къ пониманію внутренняго, нерѣдко таинственнаго, смысла книги, написанной по вдохновенію свыше, необходимо всесторонне изучить ея внѣшнюю сторону, равно какъ и исторію ея возникновенія и послѣдующую судьбу“ (§ 1—задача),—

или неясности и неопредѣленности въ разсужденіи о методѣ исагогикки (§ 2, стр. 2): „для науки введенія выработанъ *опредѣленный (?) методъ*, который можно назвать *историко-критическимъ*“;—четырьмя строками ниже: „введеніе стало разрабатываться или на основаніи Преданія, или вопреки ему, стало носить или *отрицательно-критическій* или *ортодоксально-апологетическій* характеръ; отсюда два метода: *историко-критическій* и *историко-апологетическій* (стр. 2).... Апологетическая цѣль..., то и другое *направленіе*, традиціонное и строго научное, критическое, (на стр. 169) совмѣщеніе двухъ *способовъ* изученія Писанія традиціоннаго и критическаго“. „Характеръ, методы, цѣль, направленія, способы изученія“: очевидно, авторъ обращается съ этими терминами безъ точнаго ихъ опредѣленія,—

или же неточности, недосказанности, туманности, противорѣчія, даже неврности въ разсужденіи объ авторитетѣ

Св. Писанія и Преданія и о свободѣ научнаго изслѣдова-
нія.

На этомъ отдѣлѣ, по теологической важности затрогиваемыхъ здѣсь темъ, считаемъ нужнымъ остановиться по-
дробно.

Прежде всего страннымъ представляется, что авторъ во
всемъ этомъ отдѣлѣ говоритъ о *Преданіи*, а не о *Церкви*, и
только въ концѣ отдѣла (стр. 9) и, притомъ въ скобкахъ,
упоминаетъ „такое преданіе, въ которомъ не выраженъ опре-
дѣленно голосъ Церкви“. Уже отсюда видно, какъ неясно
и узко поле сознанія автора, гдѣ проецируется у него этотъ
вѣковѣчный и существенный въ теологій вопросъ.

Отъ этого зависятъ неясности и недоумѣянности всѣхъ
почти разсужденій автора въ этомъ отдѣлѣ.

„То и другое направленіе, говоритъ авторъ, традиціонное
и *строго* научное, критическое, не чужды крайностей“
(стр. 7).

Странно, во 1-хъ, это противоположеніе строгого научнаго,
критическаго, и традиціоннаго направленій, въ отношеніи
именно строгой научности. Развѣ преданіе Церкви, какъ ея
живое историческое самосознаніе, не есть также *строго на-
учный*, только положительный, принципъ *критики*, даже бо-
лѣе твердый и объективный, чѣмъ многіе принципы новѣй-
шей тенденціозно-отрицательной критики, мѣняющіеся чуть
не каждое десятилѣтіе, слѣдующаго модѣ и духу времени и да-
вая внушенія новѣйшей отрицательной наукѣ?

Во-2-хъ, если и „традиціонное“ и „строго-научное, крити-
ческое направленія не чужды крайностей“, то какое же на-
правленіе можетъ быть истиннымъ? Очевидно—*церковно - на-
учное*,—стало быть строгая научность и церковная традиціон-
ность, не полярности, а совмѣстности. Такимъ образомъ и
въ этомъ разсужденіи автора традиціонность берется вѣдъ,
по крайней мѣрѣ, ясной связи съ идеею церковности. Изъ
дальнѣйшихъ словъ автора видно, что подъ традиціонностью
онъ разумѣетъ „слѣдную довѣрчивость [кого? ученаго изслѣ-
дователя? или всей Церкви Соборной?] къ преданіямъ [ка-
кимъ? Соборной Церкви?].... преувеличенное представленіе
объ авторитетности частныхъ мнѣній свв. отцевъ“. Предпо-
лагается, стало быть, необходимая потребность ограниченія
и проясненія этой „*слѣдной довѣрчивости*“ и этихъ „*частныхъ*

мнѣній“ чѣмъ-то общимъ, авторитетнымъ, стоящимъ выше частныхъ мнѣній и освѣщающимъ слѣпую довѣрчивость. Однимъ словомъ, авторъ подходитъ къ идеѣ Соборной Церкви, и однакоже ничего здѣсь не говоритъ о ней.

„Безъ сомнѣнія, говоритъ авторъ, нельзя приступать къ научной работѣ съ преднамѣченною цѣлью—во что бы то ни стало, обосновать и оправдать традиціонный взглядъ во всѣхъ подробностяхъ; научному изслѣдованію должно быть чуждо стремленіе получить напередъ подсказанный отвѣтъ“ [стр. 7]. Но въ прим. 14 на стр. 167 авторъ рѣшительно заявляетъ: „въ дѣйствительности безусловной [? только безусловной? А условная или „не во всѣхъ подробностяхъ“ непредвзятость возможна?!] непредвзятости нѣтъ и быть не можетъ“. А нѣсколько ниже опять словами иностранца: „наука должна... не позволять себѣ напередъ подчиняться *своимъ* [чьимъ же это? и какимъ?] субъективнымъ мнѣніямъ и данное объективно положеніе вещей не перестраивать соответственно съ своими [? опять „своими“?] индивидуальными воззрѣніями“. Но вѣдь авторъ только что сказалъ, что „въ дѣйствительности этого нѣтъ и быть не можетъ“!

Какъ же быть? Очевидно, вопросъ о предвзятости и непредвзятости вообще въ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ чловѣка и частіе—въ дѣлѣ науки,—точіе—о вѣрѣ и невѣрїи въ одно или другое уходитъ изъ библіологіи въ область общей или, по крайней мѣрѣ, теологической христіанской гносеологіи,—и нашему автору-библейсту не было надобности пускаться въ чужія специальности.

„Съ другой стороны, продолжаетъ авторъ [тамъ-же], и преданія требуютъ провѣрки и текстъ библейскихъ книгъ не гарантированъ отъ погрѣшностей, ненамѣренныхъ и намѣренныхъ. Для того, чтобы опредѣлить источникъ извѣстнаго преданія и оцѣнить его достоинства; для того, чтобы выяснить, въ какой мѣрѣ можемъ мы считать неповрежденнымъ текстъ данной библейской книги,—необходимо научно-критическое отношеніе къ преданіямъ и къ тексту священныхъ книгъ.... Такимъ образомъ научно-критическое изученіе не исключается существованіемъ опредѣленныхъ традиціонныхъ мнѣній, и Библия не связываетъ свободы научнаго изслѣдованія вообще“ (стр. 7). А какъ же традиція? Кто же опредѣляетъ въ библейскомъ текстѣ погрѣшности намѣренныя и нена-

мѣренія? Напримѣръ въ вопросахъ о девтеро-Исаи, девтеро-Захаріи, въ раскрашиваніи Библии цвѣтами радуги? Гдѣ граница и критеріи свободы научнаго изслѣдованія? А на стр. 168, примѣч. 15 авторъ говоритъ: „*независимо* отъ вопроса о томъ, что представляли священные автографы, вышедшіе изъ подъ пера богодухновенныхъ авторовъ; мы легко можемъ убѣдиться“ и пр. Однакожь эта независимость въ дѣйствительности невозможна, ибо здѣсь необходимо разбираться: въ содержаніи и формѣ сообщаемыхъ пророку божественныхъ откровеній, въ усвоеніи этихъ откровеній пророкомъ, въ сообщеніи ихъ пророкомъ другимъ лицамъ—устномъ или письменномъ,—въ дальнѣйшей передачѣ и храненіи пророческихъ откровеній и др. мн. И если Промыслъ допустилъ утрату священныхъ автографовъ, даже чудесно начертанныхъ Самимъ Богомъ скрижалямъ Завѣта Ветхаго, а Самъ Спаситель почелъ ненужнымъ Самолично начертать Новый Завѣтъ въ письменахъ и на мертвомъ матеріалѣ, то очевидно, что богодухновенность и непогрѣшимость не въ этой внѣшне-матеріальной или плотной сторонѣ Библии, но въ той, что, какъ „духовное, духовнѣ востязуется“ (1 Кор. 2, 13—15) и что являетъ Писаніе „Словомъ Божиимъ, живымъ и дѣйственнымъ, острѣе обоюдоостраго меча, проникающаго до раздѣленія души и духа“ (Евр. 4, 12).

Вызываютъ недоумѣніе и дальнѣйшія слова автора на той же 168 стр.: „въ списки священныхъ книгъ *не могли не вкрасться нѣкоторыя погрѣшности*. Человѣкъ, переписывающій библейскій текстъ, не становится чрезъ это непогрѣшимымъ; пергаментъ не дѣлается прочнѣе отъ того, что на немъ написаны священные слова. Дѣло храненія текста священныхъ книгъ, въ концѣ концовъ, опять таки находится въ *рукахъ простыхъ смертныхъ*; и священные памятники *могутъ подвергаться различнымъ случайностямъ, наравнѣ со всякими другими книгами*“. Если „въ рукахъ простыхъ смертныхъ“, то конечно „не могли не вкрасться нѣкоторыя [почему же только „нѣкоторыя“?] погрѣшности и священные памятники могутъ подвергаться различнымъ случайностямъ, наравнѣ со всякими другими книгами“. Но если Слово Божіе было ввѣрено сначала Церкви ветхозавѣтной [Римл. 3, 2], а потомъ новозавѣтной, то „могутъ ли священные па-

мятники подвергаться различнымъ случайностямъ, *наравнѣ со всякими другими книгами*“, вплоть до ихъ искаженія и даже утраты?

[Объ отношеніи автора къ святоотеческимъ взглядамъ на богодуховенность Писанія, на стр. 168, прим. 15—въ V' отдѣлѣ отзыва, пунктъ 4].

„Право свободно изслѣдовать все человѣческое ей [критикѣ] несомнѣнно принадлежитъ; но тамъ, гдѣ есть слѣды сверхъестественнаго воздѣйствія, она не можетъ быть высшимъ судьей..... Въ Словѣ Божіемъ не все можетъ быть доступно для научныхъ изысканій; высшій духовный смыслъ пророческаго писанія не можетъ быть открытъ при помощи однихъ только научныхъ приемовъ; здѣсь необходима вѣра, здѣсь нужна ученость богопросвѣщенная“ [стр. 8]..... Но вѣдь критика все въ Писаніи считаетъ человѣческимъ и не признаетъ ничего сверхъестественнаго. Кто же тутъ высшій судья? „Никакой исторической наукѣ, продолжаетъ авторъ словами Kittel'я, не удастся вполнѣ удовлетворительно объяснить пророчество въ Израилѣ. Всегда будетъ остатокъ, который мы не въ состояніи истолковать исторически и психологически... Содержание второй части книги прор. Захаріи [слова Bredenkamp'а], не можетъ быть объяснено только изъ историческихъ обстоятельствъ“. Но вѣдь этимъ Киттелямъ и Бреденкамцфамъ противостоятъ разные Велльгаузены, Пьюзен, Беннетты, для коихъ вся Библія есть только человѣческое писаніе, и все въ ней объяснимо изъ историческихъ, психологическихъ и вообще совершенно естественныхъ факторовъ.

„Возможность совмѣщенія критическаго отношенія къ произведеніямъ священнои письменности съ вѣрою въ откровеніе и подчиненіемъ авторитету Преданія—вытекаетъ изъ того, что критика касается, главнымъ образомъ, внѣшней стороны священнаго текста и рѣшаетъ вопросы, которые для традиціоннаго изученія Писанія не имѣютъ большой важности“ [стр. 169]. Странно! Критика именно касается внутренней стороны—сверхъестественной и рѣшаетъ такіе существенные вопросы, какъ о подлинности Пятокнижія,—о Девтеро-Исаи, Девтеро-Захаріи, о подлинности книги пророка Даниила и под.—Какую-же критику разумѣетъ авторъ?

„Дѣло критики устранять такіе *погрѣшности*, исправлять

тъ *ошибки*, которыя вкрались въ текстъ священныхъ книгъ вслѣдствіе человѣческой слабости,—исправлять доступными человѣку средствами“. А кто же опредѣляетъ эти погрѣшности? Не та же ли критика? Сначала критика опредѣляетъ, потомъ устраняетъ, а въ концѣ концовъ и уничтожаетъ, конечно, богодухновенность Библии. О какой критикѣ говоритъ авторъ? О критикѣ положительной, основывающейся на вѣрѣ? Или о критикѣ отрицательной, невѣрующей?

Введеніе заканчивается совѣтомъ автора изслѣдователю Священной книги: „если онъ встрѣтится съ такими явленіями, которыя необъяснимы при посредствѣ научныхъ приемовъ, не торопиться съ отрицаніемъ неподдающагося объясненію факта [а если изслѣдователь, по его личному сознанію, не встрѣтится съ такими фактами и будетъ объяснять ихъ?!]: ему слѣдуетъ обратиться къ авторитету *церковнаго Преданія*“...—и различеніемъ между такимъ преданіемъ, которое „во имя науки слѣдуетъ отвергнуть [въ которомъ *не выраженъ опредѣленно голосъ Церкви*]“ и такимъ, которое „слѣдуетъ предпочесть шаткимъ научнымъ положеніямъ“ (9 стр.).

Только въ этихъ послѣднихъ строкахъ авторъ говоритъ „объ авторитетѣ *церковнаго преданія*“, и объ „опредѣленно выраженномъ *голосѣ Церкви*“, хотя и въ скобахъ. Между тѣмъ съ этой главнѣйшей и наисущественнѣйшей идеи „Церкви“ автору слѣдовало бы начать свои разсужденія о критикѣ, преданіи, свободѣ научнаго изслѣдованія, вѣрѣ и пр.—Безъ этого всѣ разсужденія автора ведутъ въ какой-то тупикъ и обращаются въ простое стилистическое упражненіе въ фразеологій предмета, по схемѣ: „съ одной стороны, а съ другой, но въ общемъ ничего“, безъ постиженія его теологической глубины, трудности и важности. Такимъ характеромъ, по моему мнѣнію, отличается весь 2-й отдѣлъ введенія.

Всѣ эти придиричивыя замѣчанія свои я дѣлаю съ цѣлью уяснить, что 1) затронутые авторомъ въ введеніи къ своей диссертации вопросы,—по своему существу, важности и трудности,—таковы, что отнюдь не должны трактоваться мимоходомъ,—въ бѣглыхъ, отрывочныхъ и поверхностныхъ замѣчаніяхъ,—но должны имѣть самодовлѣющее значеніе и составлять предметъ спеціальной, обширной и весьма труд-

ной работы ученой,—2) вопросы эти не имѣютъ прямого и ближайшаго отношенія не только къ книгѣ пророка Захаріи и даже ко всему спеціальному введенію въ Ветхій Заѡѡтъ (*Introductio specialis*), но и къ, такъ называемому, общему введенію въ Ветхій Заѡѡтъ (*Introductio generalis*), относясь вмѣстѣ и къ Ветхому и Новому Заѡѡтамъ, слѣдовательно къ *Introductio generalissima* и составляя предметъ особѡи, по своему характеру значительно отличной отъ библиологіи, дисциплины основнаго богословія (*theologia fundamentalis*).

Быть спеціалистомъ въ такихъ двухъ, по своему характеру весьма различныхъ, дисциплинахъ, какъ библиологія, притомъ Ветхаго Заѡѡта, и Основное Богословіе,—въ настоящее время, да еще начинающему ученому, едва ли доступно.

Поэтому отъ отсутствія „введенія“, особенно всего втораго его отдѣла, диссертация о Рождественскаго, на мой взглядъ, не только бы не уменьшила своихъ научныхъ достоинствъ, но напротивъ—значительно бы поднялась съ этой стороны.

И тѣмъ сильнѣе отбѣняется въ диссертации о Рождественскаго эта ненужность вводныхъ разсужденій его, что въ ней нѣтъ и, судя по проспекту автора на 5—6 страницахъ, совсѣмъ не будетъ прямѣе и ближе касающихся ея изслѣдованій о еврейскомъ профетизмѣ—его религіозной, психологической, литературной, исторической и другихъ сторонахъ,—для каковаго изслѣдованія Библия и историческіе памятники даютъ обильный и плодотворный матеріалъ.

III. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ самое изслѣдованіе автора.

Предметомъ первой главы служить „личность пророка“ (стр. 10—34 и прим. 17—29, стр. 169—175): 1) имя пророка (стр. 10—13 и прим. 17—19, стр. 169—171), 2) свѣдѣнія о жизни и дѣятельности пророка, почерпаемыя изъ Священнаго Писанія (стр. 14—23 и прим. 20—26, стр. 171—173) и 3) преданія о прор. Захаріи—іудейскія (стр. 23—26 и прим. 27 стр. 173—174) и христіанскія (стр. 27—34 и прим. 28—29, стр. 174—175).

Начиная съ Библии, древне-раввинской и древне-христіанской литературы и кончая новѣйшими работами русскими

и иностранными, авторъ въ сжатомъ очеркѣ излагаетъ предметъ весьма обстоятельно и всесторонне. Филологическія и критическія замѣчанія автора, какъ и его собственные выводы, отличаются полною основательностью. Все даетъ видѣть, что авторъ работалъ здѣсь въ своей области, какъ полный хозяинъ дѣла.

Только о третьемъ параграфѣ этой главы считаемъ нужнымъ замѣтить: 1) для опредѣленія научнаго значенія древнихъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ различныя преданія о прорскахъ вообще и о Захаріи въ частности,—недостаточно, конечно, ссылокъ на г. Тюрнина и другихъ, спеціальнымъ изслѣдованіемъ этого предмета не занимавшихся,—2) важнѣе было бы точно опредѣлить церковное значеніе содержащихся здѣсь преданій, именно: какія изъ нихъ, въ какихъ церковныхъ книгахъ, какими авторитетами церковными и въ какой мѣрѣ принимаются или отвергаются,—вообще съ возможною твердостью установить научное и церковное значеніе этихъ преданій,—особенно въ виду того, что доселѣ Церковь еще не высказалась опредѣленно относительно какъ этихъ, такъ и вообще внѣ-библейскихъ и внѣ-каноническихъ преданій, пока предоставляя это дѣло личнымъ мнѣніямъ изслѣдователей.

IV. *Глава вторая: эпоха пророка Захаріи* (стр. 35—99 и прим. 30—47, стр. 175—181) состоитъ изъ параграфовъ: 1) завоеванія Кира, его преемники на персидскомъ престолѣ (стр. 36—40 и прим. 30, стр. 175—176), 2) окончаніе плѣна Вавилонскаго и первые годы устроенія на родинѣ возвратившихся плѣнниковъ, воссозданіе храма (стр. 40—86 и прим. 31—44, стр. 176—181) и 3) идеи, настроенія и надежды, господствовавшія въ іудейскомъ обществѣ даннаго періода (стр. 86—99 и прим. 45—47, стр. 181).

Предметъ главы имѣетъ обще-историческій характеръ и въ достаточной уже мѣрѣ раскрытъ, на основаніи новѣйшихъ иностранныхъ трудовъ, въ русскихъ работахъ: *Лопова*; — „Возвращеніе Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ“; *Поснови*; — „Іудейство (къ характеристикѣ внутренней жизни еврейскаго народа въ послѣплѣнное время)“; *Лёра* (русскій переводъ его исторіи израильскаго

народа); *Ленормана*,—Руководство къ древней исторіи Востока; *Лопухина*,—Библейская исторія; частію *Рыбинскаго*,—Очеркъ исторіи Самарянь, и *Болотова*,—Валтасаръ и Дарій. Автору, какъ позднѣйшему писателю, волей-неволей приходилось, главнымъ образомъ, только провѣрять своихъ русскихъ предшественниковъ, дѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія, частью на основаніи тѣхъ-же, частью же нѣкоторыхъ новыхъ иностранныхъ пособій. Но книга о Рождественскаго выгодно отличается здѣсь отъ своихъ предшественниковъ — сжатостію изложенія и библиографическою полнотою.

Нѣкоторое недоумѣніе вызываютъ только разсужденія автора на 90 стр.—„центральное положеніе въ ожиданіяхъ пророковъ занимаетъ *мессіанскій царь*, котораго Захарія, соотвѣтственно Іереміи 23, 5 и 33, 15, называетъ *цемах*¹⁾ и отождествляетъ съ *Зоровавелемъ*“, между тѣмъ на 98 стр. авторъ говоритъ другое: „пророкъ изображаетъ *будущее царство Мессіи* и вообще славную судьбу народа Божія, какъ имѣющія осуществиться послѣ *долгой борьбы съ язычествомъ*, послѣ неоднократныхъ паденій самого избраннаго народа“ и въ примѣчаніи 63-мъ на стр. 195: „изглаженіе грѣха земли стоитъ въ непосредственной связи съ начертаніями на томъ камнѣ, который въ предъидущемъ стихѣ названъ *Отраслью*. Это выраженіе совершенно не примѣнимо къ *Зоровавелю*, но только къ *Мессіи*, Котораго онъ былъ пробразомъ и предкомъ по плоти“.

Чувствуется также нѣкоторая общность и, пожалуй, даже скудость въ изложеніи „идей, настроеній и надеждъ, господствовавшихъ въ іудейскомъ обществѣ“ эпохи пророка Захаріи (стр. 86—99),—и является невольное желаніе болѣе глубокаго проникновенія въ идео—и идеало-логическую сторону эпохи и болѣе всесторонняго освѣщенія этой ея стороны.

V. Послѣдняя третья и самая большая глава [стр. 100—152 и прим. 48—108 стр. 181—236] диссертациі представляетъ: „анализъ содержанія книги пророка Захаріи“, точнѣе: краткое изъяснительное обозрѣніе содержанія книги то съ крат-

¹⁾ Ограсль, ростокъ, всходъ, напр., посѣяннаго хлѣба, греч., ἀνατολή—и ростокъ, восходъ солнца.

кими, то съ подробными экзегетическими примѣчаніями къ наиболѣе труднымъ мѣстамъ книги. Соответственно характеру и содержанию пророческой книги, она дѣлится авторомъ на двѣ части: 1—8 и 9—14 главы [такъ называемыя Девето-Захаріею], причемъ первая часть подраздѣляется на вступительное увѣщаніе (1, 1—6), восемь видѣній (1, 8—6, 8), вѣнчаніе первосвященника Іисуса (6, 9—15) и наставленія и обѣтованія (глл. 9—11 и 12—14),—кромѣ того обѣ части подраздѣляются и на еще болѣе мелкіе отдѣлы, соответственно содержанию книги.

Надо замѣтить, что этимъ, съ обычною для автора сжатостью написаннымъ обзорѣніемъ, весьма удачно замѣняется громоздкій пословный комментарий, нерѣдко состоящій изъ многихъ страницъ растянутого и запутанно изложеннаго перифраза священнаго текста съ совершенно простымъ смысломъ и вполне понятнымъ въ хорошемъ переводѣ, безъ всякихъ комментариевъ.

Впрочемъ авторъ здѣсь—не новаторъ. Превосходный образецъ такого обзорѣнія онъ имѣлъ въ переведенной на русскій языкъ книгѣ *Фредерика Ружмонта* [почему-то передѣланнаго не всегда освѣдомленнымъ и даже грамотнымъ русскимъ переводчикомъ въ нѣмецкаго „*Фридриха Ружемонта*“ изъ французскаго Frédéric de Rougemont],—*Краткое объясненіе двѣнадцати послѣднихъ пророческихъ книгъ Вѣтхаго Завета*“. Странно, что о. Рождественскій не счелъ нужнымъ пользоваться этою книгою въ подлинникъ и цитуетъ ее по русскому переводу [стр. 7]. Этотъ трудъ, при строго ортодоксальномъ направленіи, съ обычнымъ французскимъ мастерствомъ, въ сжатомъ и отчетливомъ изложеніи, содержитъ краткія вводныя свѣдѣнія о каждой книгѣ, ея дословный переводъ и краткое объяснительное обзорѣніе содержания книги съ болѣе подробными примѣчаніями къ нѣкоторымъ труднымъ мѣстамъ. Въ значительной части своихъ объясненій о. Рождественскій сходствуетъ съ Ружмонтомъ, а въ дѣленіи книги какъ на общія части, такъ и на болѣе мелкіе отдѣлы и подотдѣлы—совпадаетъ.

Но для правильнаго сужденія объ этомъ сходствѣ надо имѣть въ виду, что совпаденія въ дѣленіи содержания книги прор. Захаріи всецѣло зависятъ отъ самаго этого содержания, такъ что это дѣленіе, по необходимости, совпадаетъ не

только у о. Рождественскаго и Ружмонта, но въ общемъ— у всѣхъ, кто касался этого предмета. А совпаденія въ толкованіи зависятъ отъ единства ортодоксальнаго направленія обоихъ комментаторовъ, чѣмъ объясняется и сходство ихъ съ толкователями не только древне-христіанскими, но и съ новѣйшими русскими: *Принеемъ*, архіеп. Псковскимъ, *анонимнымъ* „обозрѣніемъ 12 малыхъ пророковъ“, *Палладіемъ*, еп. Сарапупльскимъ, свящ. *Соболевымъ*, *Силборскимъ* и свящ. *В. Образцовымъ*, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ и съ проф. *А. Глаголевымъ* [объ Ангелѣ Іеговы] и *Богородскимъ* [о подлинности второй части книги, гл. 9—14].

Впрочемъ мы имѣемъ у нашего автора и существенныя улучшенія и дополненія къ трудамъ его предшественниковъ. Таковы: о подлинности второй части книги прор. Захаріи (9—14 главы),—прим. 77—78 стр. 205—219,—о „семи очахъ на камнѣ“ (Зах. 3, 9 [изъ Зеллина въ прим. 64, стр. 196—197],—видѣнія свѣтильника и двухъ маслинъ (стр. 115—117),—объ Ангелѣ, говорившемъ съ пророкомъ—„во мнѣ“ (стр. 105—106 и прим. 51 стр. 183—184),—объ Ангелѣ Іеговы (прим. 56, стр. 186—188),—о „краеугольномъ камнѣ“ Зах. 4, 7. 10 (въ прим. 66 стр. 197—199), аналогично съ „ семью очами“ Зах. 3, 9 [также по Зеллину, прим. 86 стр. 223],—о терафимахъ въ связи съ вопросомъ о Девето-Захаріи (прим. 96 стр. 228—229),—къ трудному мѣсту Зах. 12, 10 (прим. 108 стр. 235—236),—къ Зах. 14, 20: „святыня Господу“ на конскихъ уборахъ и др. нѣкот.

Къ недостаткамъ этой главы надо отнести:

1) Отсутствие обще-идейнаго освѣщенія содержанія книги прор. Захаріи или, какъ выражается авторъ, „міросозерцанія автора“ (стр. 5),—идеологии книги,—упованій и стремленій пророка, его симпатій и антипатій,—идеаловъ, а также выясненія литературной стороны книги или, какъ выражается авторъ, „стилистическихъ пріемовъ автора, особенностей содержанія и изложенія книги“ (*ibid.*). Самъ авторъ сознаетъ надобность выясненія этихъ сторонъ книги, но откладываетъ это до будущихъ выпусковъ. Однако-жь для „анализа содержанія книги“ это необходимо теперь же, ибо безъ этого „анализъ“ у нашего автора обратился въ простое и виѣшнее обозрѣніе содержанія книги—по главамъ и стихамъ.

2) Почти повсюдно отсутствуетъ уясненіе *символики* пророческой и параллелизма между книгою пророка Захаріи и другими пророками, или вообще всею Библіею, а частію также и апокрифами и языческими произведеніями пророческаго или апокалипсическаго характера.

3) Безличность или объективность въ толкованіяхъ, перѣдко доходящая до полной безрезультатности. Приводя разныя мнѣнія по какому-либо вопросу, авторъ иногда оставляетъ вопросъ безъ рѣшенія, предоставляя это самому читателю. Напр. къ Зах. 12, 2 стр. 190—192 приведены, безъ всякой оцѣнки, мнѣнія Θεодорита, Кирилла Александрійскаго, Лютера, повѣйшихъ изслѣдователей—Мандельштама и Шеупе,—подобное же на стр. 114 (Кириллъ и Θεодоритъ),—то же на стр. 122 объ отношеніи пророчества восьмага видѣнія къ видѣнію Данииломъ четырехъ монархій,—прим. 50 стран. 183,—прим. 60 стр. 190,—прим. 72 на стр. 201: о Россіи,—прим. 73 стр. 201—202—о коронѣ или вѣнцахъ для первосвященника Іисуса [Зах. 6, 11, 14,—прим. 90 стр. 225—226 къ Зах. 11, 13].

4) Отсутствие цитатъ изъ общедоступныхъ первоисточниковъ [Библія, Отцы и Учители Церкви] и замѣна ихъ глухими ссылками на изслѣдованія, даже иностранныя. Таково, наприм., разсужденіе автора на стр. 168 прим. 15: „нѣкоторые изъ Отцовъ и Учителей Церкви высказываютъ, какъ будто, мысль о томъ, что въ текстѣ священныхъ книгъ все до послѣдней іоты богодухновенно и безусловно истинно; но при ближайшемъ знакомствѣ съ ихъ взглядами, такое заключеніе оказывается неосновательнымъ. [См. напр. возрѣнія на этотъ предметъ Оригена, свв. Василия Великаго и Златоуста, по соч. *Pesch*, *De inspiratione set.* См. также *Seeberg*, *Offenbarung set.* и замѣчанія проф. Рыбинскаго“. Странно и необычно въ серьезныхъ научныхъ работахъ и по важнымъ и труднымъ теологическимъ вопросамъ, когда читатель ждетъ именно этого „ближайшаго знакомства“ съ дѣломъ,—укрываться за глухими и ничего не говорящими читателю цитатами. Притомъ, Оригенъ, не говоря уже о Василии Великомъ и Златоустѣ, коихъ сочиненія переведены на русскій языкъ,—гораздо доступнѣе для провѣрки, чѣмъ *Pesch*'и и *Seeberg*'и. И если ужъ самъ авторъ не могъ явить читателю этого „ближайшаго знакомства“ съ ученіемъ Отцовъ и Учителей Цер-

кви о богодуховности Слова Божія, то не лучше ли было ему совсѣмъ не трогать этого предмета?

Подобное же на стр. 122: „по выраженію Корниля „Египеть—Вавилонъ всегда являются *четою* враждебныхъ Іеговъ державъ“ (ор. cit. s. 185); хотя Библия доступнѣе Корниля и цитаты изъ нея здѣсь были бы необходимы.

То же на стр. 205, прим. 76: „мысль, что язычники предназначаются для вступленія въ устрояемое Богомъ царство, достигаетъ полной ясности лишь у пророковъ [Oehl. SS. 216—217]“, между тѣмъ какъ никакихъ затрудненій для автора не представлялось привести хотя бы главнѣйшія изъ относящихся сюда мѣстъ пророческихъ.

То же на стр. 90: „условіемъ для обладанія этими благами въ ближайшемъ будущемъ у Захаріи, какъ и у Аггея, поставляется усердіе къ возсозданію храма (Now. 363, Тих. 126, пр. 3)“, или стр. 86: „Отсюда они дѣлали два вывода: во-первыхъ, что они не таковы, какъ отцы ихъ, своими беззаконіями навлекшіе бѣдствія плѣна (Hunt. 1, 50—51)“, хотя вмѣсто Nowack'a и Hunter'a здѣсь нужнѣе были самыя мѣста изъ пророковъ Захаріи и Аггея,—а далѣе: „во-вторыхъ, они полагали“ и проч. написано совсѣмъ безъ всякихъ ссылокъ и голословно.

VI. По образцу лучшихъ иностранныхъ изданій, диссертация заключается пятью, весьма тщательно и подробно составленными, указателями: 1) предметовъ, 2) личныхъ и собственныхъ именъ, 3) литературы иностранной и русской, 4) мѣстъ Священнаго Писанія и 5) еврейскихъ словъ и выраженій. О важности такихъ указателей говорить нѣтъ нужды. Читатели должны быть глубоко благодарны автору за этотъ кропотливый и тяжелый трудъ.

VII. Подводимъ вкратцѣ общій итогъ.

а) Диссертация имѣетъ слѣдующіе недостатки:

1) Ограниченность взятыхъ авторомъ для своей диссертации сторонъ изъ всего, самого по себѣ также не очень обширнаго, предмета и отсутствіе тѣсно и даже необходимо связанныхъ съ содержаніемъ книги изслѣдованій идеологической стороны какъ эпохи пророка Захаріи, такъ и частнѣе—книги пророка, куда надо присоединить также и опу-

щенія изъ древне-христіанской экзегетической литературы— греческой и латинской.

2) Значительное совпаденіе диссертациі о Рождественскаго съ предшествующею ей русскою литературою предмета какъ въ общихъ выводахъ и общихъ разсужденіяхъ, такъ и во многихъ частностяхъ главъ второй [эпоха пророка Захаріи] и третьей [анализъ содержанія книги пророка Захаріи съ объяснительными примѣчаніями].

3) Великое множество недоумѣній, вызываемыхъ „введеніемъ“ диссертациі, благодаря слишкомъ большой общности и даже поверхностности изложенія такого предмета, о коемъ надо: или говорить точнымъ и выработаннымъ *церковно-символьнымъ* языкомъ,—или же, за отсутствіемъ такового, совсѣмъ ничего не говорить,—или же, наконецъ, если ужъ говорить, то говорить со всею обстоятельностью и полнотою специальныхъ научныхъ трактатій.

4) Наконецъ, нѣкоторые частные недостатки, указанные нами выше, въ параграфахъ III, IV и V, 2, 3 и 4.

Но для надлежащаго сужденія о всѣхъ этихъ недостаткахъ диссертациі о Рождественскаго надо имѣть въ виду:

а) Недостатки послѣдняго, 4-го, класса, какъ частности, не имѣютъ существеннаго значенія и потому не могутъ бросать никакой тѣни на общее научное достоинство диссертациі.

б) Недостатки 3-го класса просто аннулируются тѣмъ, что все „введеніе“, въ цѣломъ объемѣ, со всѣми примѣчаніями, не имѣетъ никакой прямой и близкой связи съ книгою пророка Захаріи и относится совсѣмъ къ другой теологической дисциплинѣ—Основному Богословію. Совершенное отсутствіе этого „введенія“, какъ мы замѣтили уже, только улучшило бы диссертацию о Рождественскаго, а потому и при сужденіи о научныхъ достоинствахъ ея оно не должно быть принимаемо во вниманіе.

в) Недостатки же 1-го и 2-го классовъ суть явленія невольныя для автора, а потому и невмѣняемыя ему. Недостатки 1-го класса вызваны независѣвшимъ отъ воли автора ограниченіемъ срока его работы. И это ограниченіе срока еще болѣе стѣснялось для автора тѣмъ, что до прошлаго академическаго года онъ преподавалъ гомилетику, составлялъ лекціи и читалъ проповѣди и сочиненія студенческія

по этой наукѣ. Перейдя же въ запрошломъ году на Ветхій Заветъ, онъ вынужденъ былъ составлять новыя лекціи по этому предмету, не имѣя, такимъ образомъ, возможности и этотъ „сокращенный срокъ“ всецѣло использовать для одной только магистерской диссертациі.

г) Наконецъ, и второй недостатокъ есть также невольное дѣло автора и необходимое слѣдствіе конфессіональнаго и строго православнаго направленія его диссертациі, какъ и всѣхъ вообще работъ, принадлежащихъ ученымъ Православной Русской Церкви. Въ самомъ выгодномъ положеніи находится здѣсь только *primus scribens*, за недопустимостью какихъ-либо существенныхъ разномысліи по всѣмъ наиболее важнымъ вопросамъ идейнаго характера и главнѣйшимъ сторонамъ излагаемыхъ предметовъ, оставляющій послѣдующимъ работникамъ только частности, мелкія поправки и несущественныя дополненія. И чѣмъ поэтому длиннѣе списокъ работниковъ по какому-либо вопросу, тѣмъ слабѣе должна быть оригинальность послѣдующихъ работъ. Такъ это было и въ древне-христіанской церкви—сирской, греческой и латинской, гдѣ первоначальное разнообразіе экзегетическихъ школъ и толкованій святоотеческаго періода постепенно смѣнилось компиляціями и катенами изъ нихъ— послѣдующаго періода [І. Дамаскинъ, Теофилактъ, Евѣимій Зигабинъ и др., а также катены—сирскія, греческія и латинскія]. И это—совершенно естественное, даже неизбѣжное явленіе,—въ виду единства православно-церковной истины, отсутствія въ православно-соборной и католической церквяхъ протестантскаго субъективизма и при авторитетѣ церковнаго преданія и святыхъ отцевъ въ этихъ церквяхъ.

Такимъ образомъ, съ церковно-православной точки зрѣнія это свойство диссертациі о Рождественскаго можетъ считаться даже одобрительнымъ и служить для рецензента переходомъ къ указанію ея достоинствъ.

б) А эти, съ избыткомъ покрывающія всѣ указанныя недостатки, частію несущественныя и мелкіе, частію же невольныя и необходимыя для автора,—достоинства диссертациі о Рождественскаго суть слѣдующія:

1) Чрезвычайная сжатость и отчетливость изложешя, сокращающая внѣшній объемъ книги о Рождественскаго вдвое или даже втрое, сравнительно съ тѣми размѣрами, какіе

она могла бы имѣть при растянутомъ и литературно необработаннымъ стилѣ.

2) Обширное изученіе авторомъ какъ древне-христіанской [Ефремъ Сиринъ, Кириллъ Александрійскій, Теодоритъ, Иеронимъ], такъ и новѣйшей русской и иностранной—англійской, нѣмецкой и французской—литературы предмета.

3) Незаурядно-широкіи лингвистическій аппаратъ при составленіи авторомъ своей диссертациі. Въ оригинальномъ ветхо-завѣтно-библейскомъ языкѣ—древне-еврейскомъ и халдейскомъ, а также и въ сродномъ имъ—сирскомъ,—о. Димитрій—полный хозяинъ. Онъ является также знатокомъ языковъ классическихъ—греческаго и латинскаго,—свободно пользуется и литературою на трехъ современныхъ европейскихъ языкахъ—англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ.

4) Строгое церковно-православное направленіе работы о. Димитрія, хотя и ставящее ее въ невольную зависимость отъ всѣхъ предшествовавшихъ ей работъ на русскомъ языкѣ, но за то тѣмъ болѣе увеличивающее ея цѣнность для церковно-православной богословской науки.

5) Надо имѣть въ виду и выше указанная нами, не малая по числу и весьма существенная по содержанію, дополненія въ диссертациі о. Рождественскаго къ прежнимъ трудамъ на русскомъ языкѣ, особенно въ первой и третьей главахъ, а также принадлежащее автору и только что вышедшее, полное и постижное, прекрасное толкованіе на книгу пророка Захаріи [въ бесплатномъ приложеніи къ журналу „Странникъ“ за 1910-й годъ, „Толковая Библия, томъ VII, стр. 376—427], стоящее въ тѣсной связи съ диссертацией автора и составленное съ обычными для автора сжатостью и отчетливостью.

Необходимо, наконецъ, принять во вниманіе и другіе научно-литературные труды автора, хотя и по прежней его специальности [1) „Элементъ современности въ словахъ и бесѣдахъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Сергіевъ Посадъ. 1907“,—2) Англійскій проповѣдникъ Чарльзъ Сперджонъ. Сергіевъ Посадъ. 1908“,—3) Сатирической элементъ въ бесѣдахъ св. Іоанна Златоуста. Сергіевъ Посадъ. 1908“,—кромѣ того переводъ Окружныхъ посланій св. Афанасія Александрійскаго], написанные въ теченіе еще очень краткаго профессорства его [съ Февраля

1907 г.],—съ полною очевидностію показывающіе въ немъ незаурядную научно-литературную работоспособность.

Все это даетъ о. Димитрію безспорное право на искомую имъ ученую степень магистра православнаго богословія“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій 1910 г. § 175: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 174 испытаній“.—2) Священникъ Д. В. Рождественскій окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1905 году со степенью кандидата богословія и правомъ при искапіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній. 3) По § 110 лит. а п. 16 устава „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученыя степени и оцѣнка оныхъ (§§ 175 и 176)“ значитъ въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая представленное на соисканіе степени магистра богословія (въ печатномъ видѣ) и. д. доцента Академіи *священникомъ Д. В. Рождественскимъ* сочиненіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ достаточнымъ для означенной степени, допустить священника Д. В. Рождественскаго къ защитѣ сочиненія на коллоквиумѣ.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертации назначить сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретоза* и экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*.—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи, по представленіи магистрантомъ 65-ти экземпляровъ диссертации, войти въ соглашеніе съ нимъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участию въ послѣднемъ стороннихъ лицъ.

V. Прошеніе профессора богословія при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ *протоіеря Александра Клитика:*

„Представляя при семь пятьдесятъ экземпляровъ своего сочиненія „Исторія религіи (опытъ историко-богословскаго изслѣдованія). Одесса. 1910 г.“, покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Академіи принять его въ качествѣ докторской диссертациі“.

Справка: 1) Воспитанникъ Московской Духовной Академіи выпуска 1884 года (нынѣ протоіерей) Александръ Клинтинъ степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ Московской же Духовной Академіи за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Подлинность посланій Св. Ап. Павла къ Тимоѳею и Титу“. Кіевъ, 1888 г. и утвержденъ въ означенной степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 11 мая 1889 года за № 1688.—2) По § 110 лит. а п. 16 устава духовныхъ академіи „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертациі на ученія степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Докторскую диссертацию протоіерея Александра Клинтина передать для разсмотрѣнія ординарному профессору Академіи по кафедрѣ основнаго богословія С. С. *Глаголеву*.

VI. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ докторской диссертациі протоіерея Александра Клинтина онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи *священника Е. А. Воронцова*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Прошеніе старшаго учителя Бирюченскаго духовнаго училища, кандидата Московской Духовной Академіи выпуска 1896 года, *Дмитрія Цитовича*:

„Осмѣливаюсь представить на соисканіе степени магистра богословія свое сочиненіе: „Исторія Бирюченскихъ духовныхъ (приходскаго и уѣзднаго) училищъ“ (послано 2 экз. заказн. банд.) и прошу дать начинаемому мною дѣлу объ этомъ соисканіи надлежащее движеніе“.

Опредѣлили: Въ виду незначительности темы представленнаго преподавателемъ Бирюченскаго духовнаго училища Дмитриемъ Цитовичемъ сочиненія и маловажности содержащихся въ немъ данныхъ для исторіи русской духовной школы, — просьбу г. Цитовича о принятіи означеннаго сочиненія къ рассмотрѣнію въ качествѣ магистерской диссертации отклонить, о чемъ и увѣдомить просителя чрезъ академическую Канцелярію.

VIII. Отношенія: а) Управленія Императорской Публич. Библіотеки, отъ 23 декабря 1910 года за № 2306, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій п. д. доцента С. П. Знаменскаго, изданія: „Corpus inscriptionum latinarum“, vol. III, pars I и supplementum 1; б) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 21 декабря за № 2542, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора С. П. Смирнова, рукописи Лаврской бібліотеки за № 739 (1518)—„Обиходникъ столовый“, — каковыя изданіе и рукопись, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую бібліотеку.

предѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Отношеніе Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Канторы отъ 18 декабря 1910 года за № 3701:

„Непремѣнный Членъ Наблюдательнаго Совѣта при Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія протоіерей Василій Металловъ вошелъ ко мнѣ съ ходатайствомъ о выпискѣ для его занятій въ помѣщеніи Синодальной (Патріаршей) Библіотеки, срокомъ на одинъ мѣсяць, крюковыхъ рукописей Московской Духовной Академіи изъ рукописей Волоколамскихъ а) № 3, б) № 240, в) № 249, г) № 257 и д) № 262.

Вслѣдствіе этого имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи не отказать выслать помянутыя рукописи въ Синодальную Библіотеку на указанный срокъ для занятій протоіерея Металлова“.

Опредѣлили: Выслать въ Синодальную Библіотеку означенныя въ отношеніи крюковыя рукописи на испрашиваемый срокъ.

X. Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 31 декабря 1910 года за № 211:

„Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи имѣетъ честь просить Совѣтъ Московской Академіи выслать, срокомъ на два мѣсяца, для научныхъ занятій студента IV курса А. Рутковскаго, рукопись Академической библіотеки, содержащую Слѣдованную Псалтирь Митрополита Кипріяна“.

Опредѣлили: Увѣдомить Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи, что просимая рукопись академической библіотеки не можетъ быть выслана въ С.-Петербургскую Духовную Академію, такъ какъ, помимо того, что означенная рукопись требуется для занятій студента IV курса священника І. Горохова,—она никогда не высылается изъ библіотеки, какъ автографъ.

XI. Отношеніе Правленія Кіевской Духовной Семинаріи, отъ 22 декабря 1910 года за № 3102:

„Правленіе Кіевской духовной семинаріи покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи не отказать выслать въ Правленіе семинаріи на трехмѣсячный срокъ двѣ хранящіяся въ библіотекѣ Академіи рукописи №№ 40 и 41, заключающія въ себѣ творенія Св. Меодія Олимпскаго (Шатарскаго) въ древнеславянскомъ переводѣ. Эти рукописи необходимы для научныхъ занятій преподавателя семинаріи Леонида Дмитрева“.

Опредѣлили: Увѣдомить Правленіе Кіевской Духовной Семинаріи, что просимыя рукописи подъ №№ 40 и 41 не могутъ быть высланы, такъ какъ онѣ необходимы для занятій студента IV курса Академіи священника П. Медвѣдкова.

XII. Представленіе *библіотечной комиссіи*, отъ 24 января 1911 года за № 907:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библіотечная Коммиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической библіотеки изданія, значащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 182 и 183 (Проф. М. Д. Муретова); 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 128 (Проф. А. А. Спасскаго); 7, 8 и 9 (Проф. М. М. Тарѣва); 5 (Проф. П. П. Соколова); 61 (Проф. Свящ.

Е. А. Воронцова); 124 и 127 (Проф. С. И. Смирнова); 121, 122 и 125 (Проф. Д. И. Введенскаго); 13 и 126 (И. д. доцента А. К. Мишина); 123 и 151 (И. д. доцента П. А. Флоренскаго); 3, 4 и 6 (И. д. доцента С. П. Знаменскаго) и 130 (Библиотекаря К. Попова)“.

Опредѣлили: Поручить библиотекарю Академіи К. М. Попову выписать для академической библиотекы означенныя въ заявленіяхъ г.г. преподавателей Академіи изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XIII. Заявление Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что г. преподавателемъ Московской Духовной Семинаріи *М. И. Струженцовымъ*, съ согласія вдовы Московскаго протоіерея *Іоанна Алексѣевича Смирнова*, отобраны изъ библиотекы почившаго о. протоіерея и препровождаются въ даръ академической библиотекѣ нѣмецкія книги по церковной исторіи, двѣ книги на японскомъ языкѣ и другія изданія, о чемъ г. Струженцовъ и сообщаетъ ему письмомъ отъ 24-го сего января.

Опредѣлили: Выразить г. преподавателю Московской Духовной Семинаріи *М. И. Струженцову* и вдовѣ почившаго о. протоіерея *І. А. Смирнова* искреннѣйшую благодарность Совѣта Академіи за жертвуемыя въ фундаментальную академическую библиотеку книги.

XIV. а) Отзывы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Воинова Сергѣя* на тему: „Христіанство и современная культура въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“.

1) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева:*

„Г. Воиновъ подалъ на соисканіе ученой степени сочиненіе (237 стр.), отрицающее науку. Тѣмъ не менѣе рецензентъ нисколько не колеблется присудить ему эту степень. Во 1) сочиненіе написано на основаніи изученія науки; во 2) нужно пояснить, что г. Воиновъ отрицаетъ не фактъ научныхъ завоеваній, а положительное значеніе ихъ для достиженія идеаловъ жизни. Идеаль чловѣка—самоусовершенствованіе, возвышеніе падъ самимъ собою, а наука по мысли г. Воинова безусловно не является лѣстницею, которая могла бы поднять чловѣка хотя на маленькую ступеньку къ небу.“

Человѣкъ—образъ Божій, но вмѣстѣ съ тѣмъ согласно богооткровенному ученію человѣкъ есть существо падшее. Паденіе его состояло въ томъ, что онъ въ значительной мѣрѣ утратилъ вдохнутое въ него божественное начало, дѣлавшее его образомъ Божиимъ. Задача человѣка—подняться снова. Культурный процессъ, это—способъ поднятія, но способъ, по мнѣнію г. Воинова, неудачный. Культура должна поднять человѣка надъ природною жизнію. Это возможно двумя путями: непосредственнымъ усовершенствованіемъ человѣческаго организма или усовершенствованіемъ орудій, посредствомъ которыхъ человѣкъ подчиняетъ себѣ природу. Человѣкъ сталъ усовершенствоваться орудія и, нѣсколько эмансипировавшись отъ власти природы, онъ подпалъ власти культуры. И произведенія культуры стали служить не къ тому, чтобы поднимать человѣка, а чтобы удовлетворять его страстямъ. И даже естественная религія пошла по этому пути. Высшее дохристіанское ученіе (въ буддизмѣ, платонизмѣ, стоицизмѣ) искало высшихъ благъ и освобожденія отъ страстей, но не нашло ихъ. Христіанство дало абсолютный идеалъ, дало силы для приближенія къ нему и указало въ христіанскомъ аскетизмѣ прямой путь ведущій къ этому идеалу. Христіанское сознаніе осудило культурно-историческій путь человѣчества. Первые христіане отнеслись отрицательно къ римской культурѣ и по существу христіане иначе не могутъ относиться къ ней. Историческая христіанская церковь сплелась съ антихристіанскою культурою. Но этого не должно быть. Церковь, создавъ православно-христіанскій аскетизмъ, должна переквасить захваченные ею и вавилонизмъ, и буддизмъ, и классицизмъ.

Сочиненіе г. Воинова оригинально, прямолинейно (никакихъ уступокъ культурѣ) и представляетъ собою не только плодъ чтенія и думъ, но и плодъ глубокихъ религіозныхъ переживаній. Его недостатками являются: необработанность, недоконченность, неполнота развитія тезисовъ, цѣлая серія мелкихъ промаховъ.

Не смотря на то, что сочиненіе имѣетъ небольшой объемъ, въ немъ есть нѣчто довольно далеко отстоящее отъ темы и съ другой стороны есть такая детальная разработка кое-чего относящагося къ темѣ, чему бы лучше было отсутствовать.

Авторъ довольно много говоритъ по поводу библейскаго

повѣствованія о сотвореніи человѣка. Это не имѣетъ прямого отношенія къ темѣ. Авторъ много говоритъ объ опереткѣ, какъ продуктѣ культуры. Конечно, это нѣкоторымъ образомъ относится къ его темѣ, но можно было бы написать прекрасное сочиненіе по взятому имъ вопросу, не имѣя понятія объ опереточныхъ мотивахъ.

Языкъ автора неправиленъ, порою искажаетъ мысль, его справки и цитаты не отличаются точностью, заглавія книгъ называются невѣрно (въ частности такъ поступлено имъ и съ цитируемою одною изъ книгъ рецензента).

Вотъ нѣкоторые изъ подобныхъ недостатковъ.

На 20 стр. неправильно излагается взглядъ Уоллеса на происхожденіе человѣка.

На 34 стр. употреблено выраженіе: „Адамъ былъ осужденъ на земледѣліе“.

На 39 стр. слово „культура“ производится отъ *collegae*.

На 112 стр. канинты называются евреями.

На 175 стр. совершенно произвольно царствованіе Менеса относится ко времени около 6000 лѣтъ назадъ.

На 178—179 стр. развивается своеобразная теорія, по которой все тѣло оказывается половымъ органомъ.

На 194 стр. всѣ цивилизованныя государства представляются признающими Божественное откровеніе за абсолютную истину. Авторъ забылъ и объ отдѣленіяхъ церкви отъ государствъ и о рационалистически-протестантскихъ взглядахъ.

Такихъ промаховъ много. Отчасти они объясняются спѣшностью писанія. Но во всякомъ случаѣ они искупаются тѣмъ духомъ жизни и религіозной любви, которыми проникнуто сочиненіе, искупаются трудомъ автора, не мало видно прочитавшаго и передумавшаго и нерѣдко горячо полемизирующаго съ писателями даже близкими ему по возрѣніямъ.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно“.

2) Ректора Академіи *Епископа Осодора*:

„Въ личной религіозной психологіи христіанина вопросъ, поставленный для изслѣдованія г. Воиновымъ, рѣшается просто и прямо въ направленіи того пути, который указалъ

Спаситель въ словахъ: „ищите прежде Царствія Божія и правды его, а сія вся (т. е. потребное для земной жизни) приложатся вамъ“ (Матѣ. 6, 33). Въ исторической практикѣ христіанской жизни, въ жизни тѣхъ, кои главнымъ дѣломъ своимъ полагали спасеніе и улучшеніе Царства Божія, красной нитью проходитъ начало *отреченія* и *отказа* отъ всего того, что въ широкомъ смыслѣ слова извѣстно подъ именемъ „міра сего“. Эта же идея отреченія отъ міра, въ которомъ все есть „похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская“ (1 посл. Іоан. 2, 16), весьма рѣшительно выражена и въ Словѣ Божіемъ: какъ въ Евангеліи, такъ и въ посланіяхъ Апостольскихъ. Поэтому для человѣка, восчувствовавшего начало новой благодатной о Христѣ жизни и плѣнненнаго въ послушаніе Христу сладостью новой истинной жизни, раскрывшейся въ тайнѣ благодатнаго возрожденія, указанный вопросъ объ отношеніи христіанства къ культурѣ можно сказать совсѣмъ снимается съ очереди. Для христіанина, стоящаго въ своемъ міровоззрѣніи прочно на почвѣ христіанскаго откровеннаго ученія и ученія церковнаго и вѣрящаго въ высшую истинность и авторитетность этого ученія, этотъ вопросъ тоже рѣшается просто. Но для человѣка только еще ищущаго истины и съ этими запросами подходящаго и къ христіанству; для человѣка, желающаго научно какъ бы разрѣшить проблемы выдвинутыя христіанствомъ и его свѣтомъ освѣтить все то нажитое человѣческимъ многовѣковымъ опытомъ богатство культурныхъ пріобрѣтеній, въ которомъ сказалась и собственная воля и умъ человѣческой, рѣшеніе этого вопроса о христіанствѣ и культурѣ, особенно въ сторону обезцѣниванія послѣдней, весьма трудно. Необходимо тутъ уже горячій, отчасти какъ бы пока даже инстинктивный порывъ въ сторону христіанства, какъ высшей истины и блага, необходимо безпристрастное изученіе этихъ, такъ называемыхъ, богатствъ культуры во всѣхъ ея проявленіяхъ, гдѣ сказалась гл. обр. духовная человѣческая природа; необходимо и глубокое идейное пониманіе христіанства, а главнымъ образомъ объективность и безпристрастность. Намъ неизвѣстна окончательно духовная фізіономія автора и личная его религіозная психологія въ своихъ тайникахъ, но кажется онъ подходитъ къ указанной нами послѣдней категоріи людей. Чувствуется, что вопросъ,

поставленный имъ для своего изслѣдованія, большой для него вопросъ, затрагивающій въ своемъ рѣшеніи всѣ его прежнія симпатіи, рѣшающій быть можетъ даже направленіе его личной жизни. Вотъ почему этотъ вопросъ ставится авторомъ въ широкія рамки для разсмотрѣнія, кажется, для кандидатской работы даже очень широкія, почему приходится желать, чтобы разработка этого вопроса авторомъ была продолжена. Онъ хотѣлъ захватить въ рѣшеніи этого вопроса все, что касается человѣка и его жизни, съ вопросовъ кардинальныхъ до вопросовъ простого житейскаго обихода, массу перечиталъ ученыхъ и популярныхъ изслѣдованій, критически и серьезно ихъ оцѣнилъ и далъ въ настоящей работѣ только конспективную дискурсію.

Центральную часть его сочиненія конечно составляетъ XI глава его, подъ заглавіемъ „Культурно-историческій путь человѣчества предъ судомъ христіанскаго сознанія“. Здѣсь дѣлается выводъ изъ разсужденій въ предшествующихъ главахъ и подводится окончательный итогъ оцѣнокъ всѣхъ явленій культурнаго процесса человѣческой жизни. Итогъ этотъ можно кратко формулировать словами, которыя авторъ высказываетъ на стр. 235 въ заключеніе своихъ сужденій о преступности съ точки зрѣнія истинно христіанской жизни освящать христіанской молитвой то, что служитъ нечистому угожденію плоти и плотской похоти: „Куда идти дальше, говоритъ онъ, въ этомъ прогрессѣ!“ въ прогрессѣ даже „христіанствующагося человѣчества!“ Тутъ выходъ одинъ, рѣшеніе одно и колебаній быть не можетъ: „оставьте и не участвуйте въ дѣлахъ тьмы“.

Именно этимъ послѣднимъ приглашеніемъ оставить „дѣла тьмы“, авторъ и отвѣчаетъ на вопросъ объ отношеніи христіанства и христіанина къ культурѣ. Послѣдняя во всѣхъ ея типичныхъ проявленіяхъ, древнихъ и современныхъ, въ самомъ зародышѣ своемъ и въ природѣ, есть явленіе грѣховной тьмы и съ христіанствомъ мириться никакъ не можетъ; даже попытка христіанизации ея есть въ своемъ родѣ кощунство, какимъ несомнѣнно нужно признать, напр., служеніе молебновъ въ публичныхъ домахъ и кафе-шантанахъ.

Для христіанина по автору долженъ быть одинъ выборъ: или жизнь по культурѣ, которая всѣмъ своимъ содержаніемъ и духомъ отрицаетъ Христа и Царство Его, или жить по Христу, созидая ту, культуру духа, которая обезпечена

какъ реальность и можетъ быть воплощена въ Церкви Христовой съ живущимъ въ ней Св. Духомъ. Эта основная мысль автора, цѣнная по своей рѣшительной опредѣленности и логически необходимая въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія, чувствуется у него уже и на первыхъ страницахъ его сочиненія, она руководитъ имъ въ оцѣнкѣ всѣхъ тѣхъ вопросовъ и явленій жизни, которыхъ онъ касался въ сочиненіи. А вопросы и въ первыхъ десяти главахъ поставлены имъ очень интересныя, напр. о первыхъ культурныхъ шагахъ человѣка по грѣхопаденіи (гл. 3), о смыслѣ этого культурнаго процесса (гл. 4), о его „подпочвѣ“ (5 гл.); о религіозномъ сознаніи первобытныхъ культурныхъ дикарей (7 гл.) о до-христіанскомъ и христіанскомъ высшемъ религіозномъ сознаніи (10 гл.) и прочее. Правда въ этихъ главахъ авторъ иногда уклоняется кажется слишкомъ въ сторону отъ прямой задачи въ рѣшеніи того или иного вопроса, напр. въ вопросѣ о грѣхопаденіи прародителей-2 гл.; иногда дѣлаетъ нѣсколько странныя сопоставленія и утвержденія, какъ напр. на стр. 72 „половое томленіе—суррогатъ любви небесной“ и подобныя на этой же страницѣ; или утвержденіе, что у „Евреевъ не было личнаго аскетизма“ (стр. 115); но все это можно объяснить желаніемъ автора исчерпать вопросъ не только въ основномъ, но и въ тѣхъ частностяхъ, кои могутъ интересовать любознательнаго читателя; можно объяснить еще и массой прочитаннаго имъ книжнаго матеріала, который конечно въ лицѣ авторитетныхъ ученыхъ и писателей входилъ въ сознаніе автора болѣе или менѣе властно и подчинялъ себѣ его мысль. За то есть у автора очень хорошія мѣста, особенно, гдѣ онъ выясняетъ логическія ошибки или непониманіе христіанства по существу такими мыслителями какъ Вл. Соловьевъ (стр. 128) или Л. Н. Толстой.

Въ общемъ сочиненіе производитъ весьма пріятное впечатлѣніе: оно будитъ мысль, вводитъ въ сферу христіанскаго мышленія, требуя логики и безпристрастія, и для переживающихъ личный духовный кризисъ не только интересно, но и полезно. Степени кандидата богословія оно вполне заслуживаетъ“.

б) Отзывъ о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Воскресенскаго Василія* на тему: Религія, какъ основа воспитанія“.

1) Инспектора Академіи — и. д. ординарнаго профессора
А. П. Шостынка:

„Первую главу своего сочиненія (стр. 1—117), имѣющую надписаніе: „Права религіи и науки на воспитаніе“, г. Воскресенскій посвящаетъ довольно подробному раскрытію и обоснованію того положенія, что „наука не въ силѣ установить для всѣхъ равно обязательной *цѣли* воспитанія“ (58), „а нѣтъ единой цѣли воспитанія,—нельзя дожидаться и единой *системы*“ его (59). Въ качествѣ иллюстраціи къ этому положенію онъ приводитъ и сопоставляетъ двѣ системы воспитанія, наиболѣе претендующія на полноту и такъ-называемую научность, именно — Спенсера и Гюйо. „Избираются нами теоріи воспитанія Спенсера и Гюйо,—говоритъ авторъ,—какъ теоріи лицъ, въ которыхъ педагогическій авторитетъ сочѣтался съ универсальной научностью. Къ тому же, эти выдающіеся педагоги предлагаютъ полныя системы воспитанія, а не занимаются рѣшеніемъ только частныхъ педагогическихъ вопросовъ“ (61). Сопоставивъ названныя системы и обсудивъ ихъ „въ самыхъ основныхъ и главнѣйшихъ положеніяхъ, не входя въ разсмотрѣніе частностей и деталей ихъ“, авторъ восклицаетъ: „какое полное несогласіе, доходящее въ нѣкоторыхъ пунктахъ до прямого противорѣчія и взаимнаго отрицанія, оказывается между ними!“ И далѣе: „Но съ какимъ хаосомъ противорѣчивыхъ мнѣній и взглядовъ въ области воспитательныхъ вопросовъ встрѣтились бы мы, если бы попытались обзрѣть не двѣ, а пять—десять теорій, и разобрать ихъ не въ общихъ только основахъ, но и въ частнѣйшихъ подробностяхъ?!“ (71—72).

Послѣ того авторъ привлекаетъ еще представителей новѣйшей экспериментальной педагогики и у одного изъ нихъ (Меймана) находитъ слѣдующее признаніе: „Далеко не всѣ педагогическіе вопросы могутъ быть разрѣшаемы экспериментальнымъ путемъ, такъ какъ не всѣ вопросы научной педагогики состоятъ въ изслѣдованіи фактовъ. Такъ, напр., опредѣленіе общихъ цѣлей воспитанія, общихъ и частныхъ цѣлей обученія всегда въ значительной степени зависятъ отъ такихъ фактическихъ условій, которыя мы просто должны принять, какъ данныя“ (87—88).

Конечнымъ выводомъ всѣхъ этихъ разсужденій и является тезисъ автора: „неподвѣдомствененъ наукѣ вопросъ о *цѣли*

воспитанія и можетъ онъ получить себѣ истинное рѣшеніе только въ Откровеніи“ (90).

Столь же несостоятельной оказывается затѣмъ наука и въ рѣшеніи другого основного вопроса,—о *природѣ* питомца (93 и сл.).

Отсюда естественный переходъ ко *второй* главѣ (стр. 118—377), характеризующей Евангельскую и святоотеческую педагогику въ ея противоположности современной, въ большинствѣ — социалистической и матеріалистической, педагогикѣ. Здѣсь авторъ разбираетъ и опровергаетъ различные выпады противъ центрального положенія религіи въ воспитаніи и старательно обосновываетъ ту мысль, что религія (христіанская) представляетъ собою незамѣнимый оплотъ нравственности.—Въ концѣ главы онъ вооружается противъ попытокъ замѣнить христіанскую вѣроисповѣдную религію такъ-называемой всеобщей.

Послѣдняя—*третья*—глава (стр. 377—468) имѣетъ болѣе специальное содержаніе. Въ ней авторъ, исходя изъ психологическихъ законовъ развитія представленій и чувствованій, рисуетъ желательную постановку всего религіознаго *восстанія* и *обученія* дѣтей въ школьномъ возрастѣ.

Не оригинальны, въ общемъ, сужденія нашего автора и даже не всегда можно признать ихъ строго логичными. Но слѣдуетъ поставить ему въ заслугу то, что къ существующимъ въ литературѣ пособіямъ по избранному имъ предмету онъ отнесся съ должною добросовѣстностію, трудолюбиво перечиталъ множество ихъ и постарался разобраться въ нихъ, выработавъ для себя при этомъ опредѣленные и устойчивыя воззрѣнія.

Много вредитъ впечатлѣнію необработанный стиль автора и особенно небрежность переписчика, допустившаго массу грубыхъ ошибокъ, оставшихся неисправленными.

Для степени кандидата богословія грудъ г. Воскресенскаго долженъ быть признанъ достаточнымъ“.

2) Ординарнаго профессора *М. М. Тарьева*:

„Въ содержаніе этого сочиненія входятъ разсужденія общія, составляющія первую, большую по объему, часть его, и разсужденія спеціальныя. Между общими разсужденіями и разсужденіями спеціальными нѣтъ никакой логической

связи. Что во второй части говорится о ходѣ религіознаго воспитанія, то могло бы быть сказано и въ этомъ случаѣ, если бы отсутствовали предварительныя общія разсужденія. Разсужденія первой части можно резюмировать въ слѣдующихъ трехъ тезисахъ: религія есть религія, наука есть наука, а педагогика есть педагогика. Эти мысли слишкомъ общи, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать спеціальныя выводы. Было бы много лучше, если бы авторъ началъ спеціальными разсужденіями, и это тѣмъ болѣе для него было бы возможно, что онъ разумѣетъ опредѣленную религію. Ему нужно было бы, исходя изъ понятія христіанской религіи и изъ научныхъ представленій о дѣтскомъ возрастѣ, построить ходъ религіознаго воспитанія. Если бы онъ послѣ этого перешелъ къ разбору возраженій противъ возможности религіознаго воспитанія вообще, то его спеціальныя сужденія дали бы ему точку опоры и для общихъ сужденій. Впрочемъ этотъ планъ былъ бы лучше лишь въ томъ случаѣ, если бы спеціальныя разсужденія автора не страдали шаблонностью и отвлеченностью. Свойственная обѣмъ частямъ сочиненія бѣглость мысли, отвлеченность, невдумчивость, стоитъ въ связи съ манерой автора пользоваться пособиями. По каждому изъ затронутыхъ имъ вопросовъ онъ имѣетъ подъ руками брошюрку или журнальную статью, въ которой собраны мнѣнія всѣхъ мудрецовъ міра,—и онъ выписываетъ эти отрывочныя мнѣнія. Получается поразительный калейдоскопъ именъ и афоризмовъ. Марксъ, Энгельсъ, Массарикъ, Гофманъ, Менгеръ, Локкъ, Руссо, Кантъ, Гегель, Будда, Конфуцій, Чу-чи... и сотни другихъ именъ пестрятъ каждую страницу, выписанныя, часто въ искаженномъ видѣ, изъ: „Мысли... собранныя такимъ-то“ и т. д.

Нужно однако сознаться, что авторомъ прочитано довольно значительное количество пособій. Труда затрачено имъ не мало. Направленіе его мыслей твердое и не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Пишетъ онъ, очевидно, съ любовью къ своему предмету. Степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

Справка: 1) Воспитанники Московской Духовной Академіи *Воиновъ Сергій* и *Воскресенскій* Василій окончили академическій курсъ въ минувшемъ 1910-мъ году съ званіемъ дѣй-

ствительнаго студента Академіи и правомъ на получение степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій.—2) По § 110 лит. б п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Дѣйствительныхъ студентовъ Академіи выпуска минувшаго 1910 года Воинова Сергѣя и Воскресенскаго Василія удостоить степени кандидата богословія, о чемъ и предоставить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XV. Прошеніе бывшаго студента I курса Академіи, сербскаго уроженца, священника *Дмитрія Поповича*:

„Вслѣдствіе смерти моей дочери и тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствъ я долженъ былъ уѣхать на родину; и послѣдовавшей затѣмъ моей болѣзни неврастеніи (Neurasthenia grav.), продолжавшейся въ теченіе больше одного года, я не былъ въ состояніи явиться до сихъ поръ въ Московскую Духовную Академію для сдачи курсовыхъ экзаменовъ въ сентябрь прошлаго 1909 года. По приложенному послѣднему врачебному свидѣтельству отъ 10 сентября 1910 года я долженъ уѣхать въ Россію лишь въ концѣ мѣсяца марта 1911 года, такъ какъ я долженъ остаться до тѣхъ поръ въ Сербіи, чтобы принимать лѣкарства и лѣчебные совѣты пользующихъ меня врачей. Несчастливая моя жизнь, полная горести и болѣзненныхъ страданій, заставила меня не прислать Академіи мои свидѣтельства пользовавшихъ меня врачей. Несчастливая моя жизнь заставила меня не выполнить мое горячее желаніе учиться въ Московской Духовной Академіи, которую горячо люблю и вслѣдствіе которой любви вотъ я потерялъ мою бѣдную дочь, которая умерла отъ скарлатины 25—IV—1909 года въ 14 лѣтъ своей жизни, не видя ее ни мертво. Ужасное горе сорвалось на меня и мой домъ, но всетаки моя семья горячо желаетъ и я хочу и я жажду науки, которую могу найти только въ моей дорогой матушкѣ Россіи, которую люблю больше всего. Она св. Россія—славянская мать, она принимаетъ насъ сербовъ, чтобы учиться

и воспитываться и бережетъ насъ какъ своихъ дѣтей. Я готовился сколько могъ для экзаменовъ и приготовился хорошо. Мои сочиненія—семестры—пришлю Академіи дней черезъ нѣсколько. Такъ какъ я въ настоящее время чувствую себя почти вполне здоровымъ, о чемъ прилагаю и свидѣтельства пользовавшихся меня врачей, то осмѣливаюсь всепокорнѣе просить Профессорское Правленіе Московской Духовной Академіи, чтобы разрѣшить мнѣ явиться въ Академію для сдачи курсовыхъ экзаменовъ въ теченіе этого школьнаго—1910/1911 г.“.

Справка: 1) На основаніи разрѣшительнаго указа Святѣйшаго Синода отъ 30 сентября 1908 года за № 12051, сербскій уроженецъ священникъ *Дмитрій Поповичъ*, по сдачѣ установленныхъ пріемныхъ испытаній, принятъ былъ въ число студентовъ I курса Московской Духовной Академіи по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 19 декабря 1908 года, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.—2) За 1908—1909 учебный годъ священникъ Поповичъ не представилъ никакихъ письменныхъ работъ, не явился къ сдачѣ переводныхъ испытаній и, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10 іюня 1909 года, оставленъ былъ въ I курсѣ на второй годъ.—3) По опредѣленію Правленія Академіи отъ 18 сентября 1909 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, священникъ Поповичъ, какъ неявившійся въ Академію изъ отпуска на лѣтнія каникулы и не представившій никакихъ свѣдѣній о причинѣ своей неявки, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 16—26 ноября 1877 года за № 1738, считается выбывшимъ изъ числа студентовъ Академіи.—Обратное принятіе таковыхъ студентовъ въ Академію или отказъ въ пріемѣ, по тому же Синодальному опредѣленію, зависитъ отъ усмотрѣнія Совѣта Академіи.—4) По § 110 лит. б п. 7 устава духовныхъ академій „зачисленіе въ студенты Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Признавая причины неявки въ Академію сербскаго уроженца священника *Дмитрія Поповича* уважительными, — ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи зачислить священника Поповича,

съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года, обратно въ списки студентовъ I курса Академіи.—2) Въ случаѣ удовлетворенія означеннаго ходатайства,—просить Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ о возстановленіи исключеннаго уже изъ смѣты 1911 года кредита на содержаніе священника Поповича въ академическомъ общежитіи.—3) Просьбу священника Поповича о разрѣшеніи ему представить письменныя работы за I курсъ и явиться въ Академію прямо къ сдачѣ переводныхъ испытаній на II курсъ — отклонить.

XVI. Заявленіе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи допущеннаго резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 10 сентября 1910 года къ слушанію академическихъ лекцій окончившаго курсъ Холмской духовной семинаріи *Аванасія Глодовскаго*:

„Вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ я не могу пріѣхать во вѣренную Вашему Преосвященству Московскую Духовную Академію, о чемъ имѣю честь покорнѣйше увѣдомить Ваше Преосвященство“.

Опредѣлили: Окончившаго курсъ Холмской духовной семинаріи *Аванасія Глодовскаго* исключить изъ списка вольнослушателей Академіи.

XVII. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всехсвятскаго*:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта имѣются слѣдующія преміи:

1) *Митрополита Московскаго Макарія* въ 485 рублей—за лучшія печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи;

2) *Митрополита Московскаго Макарія* въ 291 рубль—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи;

3) *Епископа Курскаго Михаила* двѣ преміи, по 201 р. каждая,—за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Московской Духовной Академіи по Священному Писанію“.

б) Представленіе сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*:

„Книга проф. М. М. Тарѣва: „Религіозная жизнь, 1910 г.“

состоящая из трех статей: „Живыя души, Церковность и Проповѣдь“, по моему мнѣнію, заслуживаетъ преміи Высокопреосвященнаго Макарія, въ виду слѣдующихъ двухъ главныхъ достоинствъ ея:

1) Авторъ дѣлаетъ въ высшей степени важную для церковно-православной богословской науки попытку освѣтить основными началами христіанской нравственности наиболѣе значительныя и яркія проявленія христіанской жизни въ современной Россіи.

2) Авторъ дѣлаетъ это съ обычнымъ своимъ мастерствомъ,—въ изложеніи краткомъ, отчетливомъ и увлекательномъ.

Оба эти качества труда проф. Тарѣва уже имѣютъ фактическое доказательство въ третьемъ изданіи „Живыхъ душъ“ и во второмъ изданіяхъ „Церковности“ и „Проповѣди“ (сокращенное),—что величайшая рѣдкость для русскихъ научно-богословскихъ изданій“.

в) Представленіе ординарнаго профессора Академіи А. И. Введенскаго:

„Неутомимый С. С. Глаголевъ сдѣлалъ новый вкладъ въ богословско-философскую науку,—своею книгою „По вопросамъ логики“ (Харьковъ, 1910 г., стр. 221).

Эта книга, въ шести обширныхъ главахъ,—Исходныя начала логики“, „О логическихъ выводахъ“, „Недостатки классической теоріи силлогизма“, Объ основаніяхъ и методахъ индуктивныхъ заключеній“, „Вѣра и знаніе“, „Логика Абсолютнаго Разума“,—обнимаетъ, за исключеніемъ методологіи, почти все содержаніе логики.

Извѣстно, что логика развивается крайне медленно и это по той простой причинѣ, что дѣлать въ этой области открытія и вводить новшества крайне затруднительно. Не претендуетъ на это и нашъ авторъ,—хотя попутно и отмѣчаетъ всѣ болѣе или менѣе значительныя измѣненія, сдѣланныя въ этой наукѣ за послѣднее время (наприм., въ теоріи выводныхъ процессовъ, въ методологіи вопроса о вѣрѣ и знаніи). Нѣтъ, его задача нѣсколько иная. Онъ хочетъ сказать старое по новому, упростить и иллюстрировать соотвѣтствующими поясненіями и примѣрами,—весьма въ его книгѣ обильными, особенно изъ области математики и наукъ точныхъ,—старья, но отъ долгаго употребленія какъ

бы полузастывшія и сдѣлавшіяся иногда невразумительными, логическія схемы и конструкции. И это ему, въ значительной мѣрѣ, удается. Но главное значеніе книги апологетическое. Повсюду, гдѣ открывается къ тому возможность, авторъ настойчиво и съ надлежащимъ обоснованіемъ напоминаетъ о томъ, что „Логика, эта мысль о мысли, имѣетъ въ основѣ своей мысль о Богѣ“; что „знаніемъ относительнымъ предполагается знаніе абсолютное“; что „Логика ума ограниченного предполагаетъ логику Ума абсолютнаго“ (стр. 195), и что „только два начала могутъ провести человѣка безопасно по лабиринту недоумѣній, при обсужденіи высшихъ вопросовъ знанія: вѣра въ существованіе правды и любовь къ правдѣ“ (стр. 57).

Конечно, при чтеніи книги, тамъ и здѣсь возникаютъ иногда недоумѣнія и возраженія. Лично я нахожу, наприм., скептическія прелюдіи автора къ выясненію „Логики Абсолютнаго Разума“ (въ послѣдней главѣ) чрезвычайно преувеличенными. Можно было бы указать и другія недоумѣнія,—болѣе спеціальнаго характера, по тѣмъ или другимъ частнымъ вопросамъ. Но при этомъ нельзя не отдать автору должнаго: его книга имѣетъ свои достоинства,—и какъ рядъ живо, а мѣстами и остроумно изложенныхъ трактатовъ по Логикѣ, и какъ умѣлое и тонкое освѣщеніе принципиальныхъ вопросовъ знанія съ апологетической точки зрѣнія.

Въ виду сказаннаго, нахожу справедливымъ рекомендовать новую книгу проф. С. С. Глаголева на имѣющуюся въ распоряженіи Совѣта Академіи на 1911 г. Макарьевскую премію“.

Справка: 1) Правиль о присужденіи премій Митрополита Московскаго Макарія, утвержденныхъ Святѣйшимъ Синодомъ,—*a) п. п. 10—11:* „Ежегодно въ январскомъ засѣданіи Совѣта каждый членъ Совѣта можетъ предложить, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ наставниками Московской Духовной Академіи въ прошедшемъ году, онъ считаетъ заслуживающимъ преміи, причемъ онъ долженъ представить письменное указаніе главнѣйшихъ достоинствъ сочиненія.—Въ этомъ же засѣданіи рѣшается вопросъ, какія изъ сочиненій, за которыя въ прошедшемъ году авторы ихъ удостоены въ Московской Духовной Академіи степени магистра, могутъ

быть, сообразно съ изложенными въ 4 и 5 §§ условіями, допущены къ соисканію преміи“.—б) п. п. 4—5: „Второй преміи (въ 291 р.) удостоиваются лучшія изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, если эта степень получена въ Московской Духовной Академіи, и если авторъ сочиненія окончилъ курсъ въ сей же Академіи.—Воспитанники Академіи, получившіе за свое кандидатское сочиненіе премію Преосвященнаго Митрополита Литовскаго Іосифа (въ 165 р.) или премію протоіерея Невоструева (въ 200 р.), уже не имѣютъ права на полученіе преміи Преосвященнаго Митрополита Макарія за свое магистерское сочиненіе, если оно составляетъ только передѣлку кандидатскаго“.—2) Изъ бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи утверждены въ 1910-мъ году въ степени магистра богословія и д. доцента (нынѣ экстраординарный профессоръ) Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи *священникъ Е. А. Воронцовъ*, представившій и удовлетворительно защитившій диссертацию подъ заглавіемъ: „Домасоретская и масоретская библия, какъ манускриптъ, въ связи съ исторіею древне-еврейскаго письменнаго дѣла. Выпускъ первый. Общія положенія“. Сергіевъ Посадъ, 1910 г.—Связи съ кандидатскимъ сочиненіемъ священника Е. А. Воронцова означенная диссертациа не имѣетъ.—3) Положенія о преміи Епископа Курскаго Михаила § 7: „Сочиненія поступаютъ на соисканіе преміи только слѣдующимъ порядкомъ: ежегодно ко времени январскаго засѣданія Совѣта, каждый преподаватель Академіи можетъ внести въ Совѣтъ, чрезъ председателя Совѣта, предложеніе, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ въ прошедшемъ году, онъ находитъ заслуживающимъ преміи, при чемъ представляетъ письменное указаніе достоинствъ сочиненія“.

Опредѣлили: 1) Сочиненія ординарныхъ профессоровъ Академіи *С. С. Глаголева* („По вопросамъ логики“) и *М. М. Тартева* („Религіозная жизнь“) имѣть въ виду при назначеніи въ мартовскомъ собраніи Совѣта Академіи преміи Митрополита Московскаго Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Академіи.—2) Магистерскую диссертацию экстраординарнаго профессора Академіи *священника Е. А. Воронцова* допустить къ соисканію преміи Митрополита Московскаго

Макарія за лучшія магістерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.—3) Присужденіе премій Епископа Курскаго Михаила, за отсутствіемъ предложеній о сочиненіяхъ, заслуживающихъ сихъ премій,—отложить до будущаго года.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Февр. 25. Студенты Воиновъ Сергѣй и Воскресенскій Василій (ст. XIV) утверждаются въ степени кандидата богословія.—Прочее смотрѣно“.

16 марта 1911 года.

№ 5.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и Н. А. Заозерскій; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. П. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. П. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ, П. М. Громогласовъ и М. М. Богословскій.

Слушали: I. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода, отъ 8—20 января 1911 года за № 93,—о *порядкѣ назначенія, перемѣщенія и увольненія тѣхъ или другихъ лицъ по духовно-учебному вѣдомству* (изъ официальной части № 5-го „Церковныхъ Вѣдомостей, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ“, за 1911-ый годъ):

„Святѣйшій Синодъ, опредѣляемъ отъ 8—20 января 1911 года за № 93, постановилъ: установить слѣдующій порядокъ при опредѣленіи, перемѣщеніи и увольненіи тѣхъ или другихъ лицъ отъ духовно-учебной службы:

А. Въ интересахъ возвышенія духовно-учебнаго дѣла и для поощренія лучшихъ по успѣхамъ и поведенію канди-

датовъ духовныхъ академіи, освобождающіяся мѣста по духовно-учебному вѣдомству предоставляются прежде всего тѣмъ изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, которые въ разрядныхъ спискахъ занимаютъ высшее мѣсто и отлично рекомендуются академическими совѣтами. Для достиженія этой цѣли совѣты духовныхъ академіи, по окончаніи учебнаго года: 1) препровождаютъ въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ 1 іюля требуемые, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590, списки окончившихъ курсъ духовныхъ академіи съ указаніемъ: а) мѣста ихъ происхожденія и точнаго адреса, б) отмѣтокъ объ ихъ усиліяхъ и поведеніи, съ подробнымъ изложеніемъ причины выставленія пониженныхъ балловъ по поведенію, в) долга ихъ духовному вѣдомству за казенное содержаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, 2) вмѣстѣ съ семью списками обязательно сообщаютъ Учебному Комитету отзывы о томъ, на какую преподавательскую кафедру и на какую вообще должностъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ наиболѣе способнымъ признаетъ совѣтъ академіи каждаго изъ окончившихъ курсъ духовной академіи, какъ обязанныхъ службою по духовному вѣдомству, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ кандидатовъ, кои изъявили желаніе служить въ семъ вѣдомствѣ, и 3) въ дополненіе къ своимъ отзывамъ могутъ прилагать и подробныя заявленія окончившихъ курсъ воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую должностъ по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи. На основаніи доставленныхъ совѣтами академіи свѣдѣній въ Учебномъ Комитетѣ, въ началѣ каждаго учебнаго года, издаются печатные разрядные списки окончившихъ курсъ духовныхъ академіи. Списки эти находятся у всѣхъ членовъ Учебнаго Комитета для надлежащихъ соображеній при замѣщеніи вакансій по духовно-учебному вѣдомству; списки эти рассылаются и всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ, дабы и они, при опредѣленіи на службу по епархіальному вѣдомству и при опредѣленіи кандидатовъ на должности въ епархіальныя женскія училища, отдавали предпочтеніе также лучшимъ кандидатамъ духовныхъ академіи. При этомъ, во избѣжаніе одновременнаго назначенія кандидата на епархіальную и духовно-учебную службу,

епархіальныя архіереи незамедлительно сообщают Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода о всѣхъ случаяхъ назначенія окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ на епархіальную службу.

Б. Для устраненія несомнѣннаго ущерба въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи отъ частой смѣны служащихъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, всѣ назначенные на духовно-учебную службу въ сихъ заведеніяхъ обязываются прослужить на своихъ мѣстахъ не менѣе двухъ лѣтъ; ранѣе этого срока они не могутъ быть перемѣщаемы на другія мѣста по духовно-учебному вѣдомству, кромѣ случаевъ крайней необходимости, при чемъ преимущество отдается тѣмъ изъ лицъ духовно-учебной службы, которыя болѣе долгое время прослужили въ занимаемыхъ ими должностяхъ и по отзывамъ членовъ-ревизоровъ Учебнаго Комитета заслуживаютъ поощренія повышеніемъ ихъ по службѣ. Для правильнаго сужденія о таковыхъ достойныхъ лицахъ въ справочно-статистическомъ отдѣлѣ Учебнаго Комитета ведутся особые списки тѣхъ изъ состоящихъ на духовно-учебной службѣ, которые, на основаніи отзывовъ членовъ-ревизоровъ Учебнаго Комитета, являются наиболѣе способными къ занятію административныхъ должностей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и вообще заслуживаютъ поощренія по службѣ или удостоенія наградъ.

В. Во избѣжаніе продолжительнаго перерыва въ классныхъ учебныхъ занятіяхъ учащихся въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, Учебный Комитетъ немедленно, по открытіи вакансій преподавателей въ сихъ заведеніяхъ или помощниковъ инспектора семинаріи, избираетъ кандидата на открывшуюся вакансію и представляетъ докладъ о томъ на утвержденіе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода; по утвержденіи же доклада увѣдомляетъ подлежащихъ лицъ о состоявшемся назначеніи ихъ на духовно-учебную службу съ предложеніемъ имъ незамедлительно отправиться къ мѣсту даннаго имъ назначенія.

Г. Такъ какъ изъ представленныхъ епархіальныхъ архіереевъ о перемѣщеніи или увольненіи отъ духовно-учебной службы служащихъ въ семинаріяхъ и училищахъ лицъ за неисправность по службѣ не всегда усматривается, чтобы лицамъ этимъ дѣлались предварительно, на основаніи § 18 Уст.

дух. семинарій и § 12 Уст. дух. учил., внушенія, замѣчанія и предупрежденія и чтобы имъ предъявлялось самое обвиненіе и испрашивалось объясненіе по содержанію послѣдняго, то, въ цѣляхъ полнаго выясненія дѣла, устанавливается правиломъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда епархіальными архіереями будутъ усмотрѣны неисправности по службѣ того или другого должностного лица при семинаріи или училищѣ и сдѣланныя по этому поводу внушенія, замѣчанія и предупрежденія окажутся безуспѣшными, а равно и въ случаѣ важнаго проступка должностного лица, требующаго немедленнаго перемѣшенія или даже увольненія его отъ духовно-учебной службы, епархіальные архіереи доносили объ этомъ Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода съ своимъ заключеніемъ и съ приложеніемъ письменнаго объясненія отъ обвиняемаго лица по содержанію предъявляемаго къ нему обвиненія.

Д. Равнымъ образомъ и члены-ревизоры Учебнаго Комитета, усмотрѣвшіе при ревизіи духовно-учебныхъ заведеній такія неисправности по службѣ или преступныя дѣянія должностныхъ лицъ, которые потребуютъ перемѣшенія или увольненія сихъ лицъ отъ духовно-учебной службы, предлагаютъ виновному лицу дать письменное объясненіе по содержанію предъявляемыхъ къ нему ревизоромъ обвиненій, каковое объясненіе и прилагается къ отчету о ревизіи.

Е. Въ измѣненіе установленнаго циркулярнымъ указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 8 апрѣля 1904 г. за № 3, порядка освобожденія отъ обязательной службы по духовному вѣдомству академическихъ воспитанниковъ, пользовавшихся синодальными стипендіями во время обученія въ академіи или семинаріи, устанавливается, согласно докладу Учебнаго Комитета отъ 28 іюля 1910 года, слѣдующій порядокъ:

Тѣ изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ и пользовавшихся во время обученія въ академіи или семинаріи синодальными стипендіями, кои за недостаткомъ вакансій по духовно-учебному вѣдомству пожелаютъ служить по гражданскому вѣдомству, подаютъ о томъ прошенія, оплаченныя гербовымъ сборомъ, въ Учебный Комитетъ, который по разсмотрѣніи дѣла представляетъ Святѣйшему Синоду, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, журналъ объ освобожденіи просителя отъ обязательной службы по духовному

вѣдомству подъ условіемъ уплаты имъ долга духовному вѣдомству за содержаніе въ духовной академіи и семинаріи посредствомъ 10%-ныхъ вычетовъ изъ содержанія, какое онъ будетъ получать по службѣ внѣ духовнаго вѣдомства.

Ж. Что же касается тѣхъ изъ окончившихъ курсъ духовныхъ академій, которые желаютъ пройти курсъ ученія въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но не отказываются отъ духовно-учебной службы, по окончаніи курса въ сихъ заведеніяхъ, то въ случаѣ поступления отъ нихъ заявленія о томъ въ Учебный Комитетъ, они получаютъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отсрочку назначенія на духовно-учебную службу до окончанія ими курса ученія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы документы сихъ кандидатовъ. по окончаніи курса въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ или по выходѣ изъ нихъ до окончанія курса, возвращались въ Учебный Комитетъ. Объ изложенномъ, для исполненія по духовно-учебному вѣдомству, напечатать въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“.

Опредѣлили: Определеніе Святѣйшаго Синода принять къ исполненію и руководству.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Февр. 8. Въ Совѣтъ Московскоѣ Духовноѣ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 8 февраля за № 1945:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленные Вашимъ Преосвященствомъ, отъ 17 января сего года за № 14, журналы собраній Совѣта Московскоѣ духовноѣ академіи, отъ 6 Октября и 17 Декабря 1910 г., объ избраніи и. д. доцента академіи по 2-ой кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта законоучителя 2-ой Московскоѣ мужскоѣ гимназіи, кандидата богословія, священника *Владимира Стржозова*. Приказали: По обсужденіи настоящаго дѣла Святѣйшій Синодъ, согласно постановленію Совѣта Московскоѣ духовноѣ академіи, на основаніи §§ 12 и 67, примѣч., Уст. дух. акад., опредѣляетъ: утвердить состоящаго законоучителемъ 2-ой Московскоѣ мужскоѣ гимназіи, кандидата бого-

словія, священника Владиміра Страхова, съ 16 Августа 1911 года, и. д. доцента Московской духовной академіи по 2-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, съ освобожденіемъ его съ того же времени отъ должности законоучителя гимназіи: о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Отношеніе, на имя Преосвященнаго Ректора Академіи, г. директора Московской 2-ой гимназіи, отъ 23 февраля за № 198:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 11 сего февраля за № 65 имѣю честь при семъ препроводить къ Вашему Преосвященству формулярный списокъ о службѣ законоучителя ввѣренной мнѣ гимназіи священника *о. В. Страхова* и его документы: дипломъ за № 770 и метрическое свидѣтельство за № 8992, покорнѣйше прося о полученіи препровождаемаго увѣдомить“.

Опредѣлили: 1) Объ утвержденіи священника Владиміра Страхова, съ 16 августа 1911 года, исправляющимъ должность доцента Академіи по 2-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, съ освобожденіемъ его съ того же времени отъ должности законоучителя Московской 2-ой гимназіи, внести въ послужной его списокъ и сообщить Правленію Академіи — для зависящихъ распоряженій.—2) Документы священника Страхова хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи, увѣдомивъ о полученіи ихъ г. директора Московской 2-ой гимназіи.

III. Сланный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Марта 4. Въ Совѣтъ Московской Академіи къ руководству и исполненію“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 марта за № 3077:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенное Г. Товарищемъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 15 Февраля сего года за № 1825, отношеніе за Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Товарища Министра Тайнаго Совѣтника Лыкошина, отъ 31 Января 1911 года за № 4356—400, на имя Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, въ коемъ изъясняя, 1) что

образованное при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ въ іюль 1907 г. особое междувѣдомственное Совѣщаніе по вопросамъ объ отсрочкахъ по воинской повинности для окончанія образованія, между прочимъ, постановило обязать учебныя начальства немедленно извѣщать подлежащія уѣздныя (городскія) по воинской повинности, присутствія о всѣхъ случаяхъ выбытія молодыхъ людей изъ учебныхъ заведеній какъ по окончаніи курса, такъ и ранѣе сего, на предметъ наблюденія за своевременной явкой этихъ молодыхъ людей къ исполненію воинской повинности и 2) что строгое соблюденіе изложеннаго правила учебными начальствами нынѣ пріобрѣтаетъ особо важное значеніе въ виду увольненія сравнительно большого числа студентовъ вслѣдствіе происшедшихъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядковъ, проситъ сдѣлать распоряженіе о неукоснительномъ исполненіи означенныхъ правилъ начальствами высшихъ духовно-учебныхъ заведеній. Приказали: Выслушавъ настоящее отношеніе Тайнаго Совѣтника Лыкошина, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: увѣдомить объ изложенномъ, для должныхъ къ исполненію распоряженій, Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, Ваше Преосвященство, Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго и Преосвященнаго Казанскаго указами“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ руководству и исполненію.

IV. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собранія Совѣта Академіи 26 января 1911 года:

а) за № 2: „1911 г. Февр. 14. По ст. 1. Разрѣшается избрать кандидата на кафедру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской посредствомъ рекомендаціи. По ст. 2. Священникъ Преображенскій и и. д. доцента Академіи Мишинъ утверждаются—первый лекторомъ англійскаго языка, а второй—французскаго“.

б) за № 3: „1911 г. Февр. 15. Постановленіе Совѣта Академіи отъ 17 Декаб. 1910 г. о назначеніи Мухановскихъ по собій утверждается“.

в) за № 4: „1911 г. Февр. 25. Студенты Воиновъ Сергѣй

и Воскресенскій Василій (ст. XIV) утверждаются въ степени кандидата богословія. Прочее смотрѣно“.

Справка: Въ ст. XV журнала за № 4 изложено было ходатайство Совѣта предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи зачислить сербскаго уроженца *священника Димитрія Поповича*, уволеннаго изъ Академіи въ 1909-мъ году за неявку изъ отпуска на лѣтнія каникулы, съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года, обратно въ списки студентовъ I курса Академіи.

Опредѣлили: 1) Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію, сообщить лицамъ, коихъ онѣ касаются, и Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.—2) Объ утвержденіи п. д. доцента Академіи *А. К. Мишина* въ должности лектора французскаго языка внести въ формулярный о службѣ его списокъ, а объ утвержденіи *священника* Московской Василіе-Кесарійской, на Тверской, церкви *Н. А. Преображенскаго* въ должности лектора англійскаго языка сообщить Московской Духовной Консисторіи.—3) Объ утвержденіи въ степени кандидата богословія дѣйствительныхъ студентовъ Академіи *Сергѣя Винова* и *Василія Воскресенскаго* сообщить Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ, съ препровожденіемъ въ Комитетъ и кандидатскихъ дипломовъ поименованныхъ лицъ.

V. Резолюцію Его Высокопреосвященства за № 891, послѣдовавшую на представленіи Преосвященнаго Ректора Академіи, отъ 2 января 1911 года, съ „Свѣдѣніями“ по хозяйственной части академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ за 19 лѣтъ его существованія и приходо-расходною смѣтою по изданію журнала и святоотеческихъ твореній на 1911-й годъ: „1911 г. Марта 2. Согласно ходатайству Совѣта Академіи, назначается субсидія академическому журналу „Богословскій Вѣстникъ“ въ 2500 рублей въ годъ, начиная съ 1-го Января 1911 года,—изъ суммъ Перервинскаго монастыря“.

Опредѣлили: 1) Просить (настоящимъ журналомъ) Его Высокопреосвященство принять выраженіе глубокой признательности Совѣта Академіи за милостивую поддержку, оказанную издательскому дѣлу Академіи, поручивъ особю

депутации, въ составѣ: *Преосвященнаго Ректора Академіи*, редактора академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“—сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго* и секретаря редакціи—и. д. доцента Академіи *Ө. М. Россейкина*, лично представиться и засвидѣтельствовать Его Высокопреосвященству искреннюю благодарность Совѣта Академіи за щедрый даръ.—2) Резолюцію Его Высокопреосвященства за № 891 сообщить о. архимандриту Николаевскаго Перервинскаго монастыря Іоанникію, уполномочивъ получить отъ него субсидію на текущій 1911-ый годъ редактора академическаго журнала—профессора *Н. А. Заозерскаго*.

VI. Вѣдомости Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ январь и февраль мѣсяцахъ текущаго 1911 года, изъ которыхъ видно, что:

1) *въ январь мѣсяцъ*—а) *по болѣзни*: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *А. Д. Бѣляевъ* опустил 4 лекціи (5 часовъ), сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *Н. А. Заозерскій* и экстраординарный профессоръ *А. П. Орловъ*—по 2 часовыхъ лекціи и и. д. доцента *Н. Л. Туницкій*—1 лекцію (2 часа); б) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: экстраординарный профессоръ *Н. М. Громогласовъ*—2 лекціи (3 часа); в) *по нахожденію въ отпускѣ*: и. д. доцента священникъ *Д. В. Рождественскій*—4 лекціи (5 часовъ).

2) *въ февраль мѣсяцъ*—сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *Н. А. Заозерскій* опустил 6 лекціи (7 часовъ), экстраординарный профессоръ *Н. М. Громогласовъ*—2 лекціи (3 часа), экстраординарный профессоръ *П. П. Соколовъ* и и. д. доцента *Н. Л. Туницкій*—по 2 часовыхъ лекціи, исправляющіе должность доцента—священникъ *Д. В. Рождественскій* и *В. П. Виноградовъ*—по 1 часовой лекціи—*по болѣзни*.

Опредѣлили: Вѣдомости внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VII. Отзывы о сочиненіи Инспектора Тобольской духовной семинаріи—*протоіеря Димитрія Садовскаго* подъ заглавіемъ: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ“, представленномъ (въ рукописи) въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи на соисканіе степени магистра богословія:

а) Бывшаго Преосвященнаго Ректора Академіи *Епископа Евдокима* ¹⁾.

„Сочиненіе, представленное о. Димитріемъ на соисканіе ученой степени магистра богословія, весьма обширно. Оно имѣетъ ни болѣе ни менѣе, какъ (682+320) 1002 страницы „in folio“. Вотъ вкратцѣ его содержаніе:

Часть первая. Введеніе (1—77); гл. I-я: „вѣроученіе въ проповѣдяхъ бл. Августина“ (78—237); гл. II-я: „нравоученіе въ проповѣдяхъ бл. Августина“ (238—375); гл. III-я: „внутреннія свойства проповѣдей бл. Августина“ (376—448); гл. IV-я: „внѣшнія свойства проповѣдей бл. Августина“ (444—513); гл. V-я: „гомилетическія воззрѣнія бл. Августина“; „христіанская наука“ (513—581); гл. VI: „обзоръ содержанія сочиненія бл. Августина „De catechisandis rudibus“ (582—653); гл. VII-я: „значеніе проповѣднической дѣятельности бл. Августина“ (653—682). *Часть вторая* (приложеніе). Проповѣди бл. Августина, Епископа Иппонскаго. 23 бесѣды (по 39-му тому Миня „De diversis“). Переводъ съ латинскаго (1—320 стр.) и Предисловіе отъ переводчика (1—11 стр.).

Въ ряду богословскихъ наукъ трудно подыскать науку, которая была бы такъ бѣдна литературой, въ особенности же литературой оригинальной, какъ Гомилетика. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, творенія бл. Августина, этого величайшаго столпа западной церкви, міросозерцаніе котораго легло въ основу почти всего религіознаго міросозерцанія Запада и таковымъ почти остается даже и до дне сего, изучалось русскими богословами и не-богословами съ живымъ интересомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, между тѣмъ какъ его проповѣдническая дѣятельность оставалась все время почти въ полномъ забвеніи. Уже базируясь только на однихъ этихъ приведенныхъ точкахъ зрѣнія, можно привѣтствовать попытку челоуѣка дать въ настоящее время то, въ чемъ такъ нуж-

¹⁾ Представленъ 1-го іюня 1909 года.

дается Гомилетика, наука о проповѣдничествѣ, въ ея теоретической, научной разработкѣ, и въ ея узко-практической части—въ непосредственномъ служеніи обществу „живымъ словомъ“. Но сочиненіе автора должно быть привѣтствуемо и не только со стороны благовременности его появленія, но и съ внутренней стороны, со стороны цѣнности его содержанія.

1. Творенія бл. Августина—великое море, море опасное и мало еще детально изслѣдованное. Море это для русскаго богослова почти море „clavsum“. Чтобы переплыть это море, нужно отлично знать латинскій языкъ. Въ прежнее доброе старое время для питомца духовной школы это не было дѣломъ труднымъ. Теперь же, когда языкованіе почти всецѣло упало въ духовной школѣ и, можно даже сказать, вовсе не существуетъ, уже одна попытка плыть по морю твореній бл. Августина заставляетъ ставить это въ великую заслугу автору. Между тѣмъ автору пришлось плавать не по поверхности только водъ этого моря „clavsum“, но и спускаться въ глубины его неисчерпаемыхъ мыслей, погружаться въ глубину его сложнаго, чрезвычайно серьезнаго, высоко-философскаго и мистическаго общественнаго и государственнаго міросозерцанія, извѣстными основоположеніями котораго не только долгое время жилъ цѣлый почти Западъ, но отчасти и до сихъ поръ еще продолжаетъ жить. Ему приходилось, какъ рабочему, добывающему золото въ твердыхъ горныхъ породахъ, извлекать по незначительной частицѣ нужныя для него свѣдѣнія изъ обширнаго матеріала, закрытаго печатью таинственности отъ взора изслѣдователя. И онъ въ значительной степени справляется съ этой трудной задачей.

2. Цѣнность всякаго сочиненія зависитъ въ значительной степени отъ того, въ какой степени близости авторъ стоитъ къ изслѣдуемому имъ сочиненію: черпаетъ ли онъ матеріалъ, свои соображенія и построенія непосредственно изъ самаго первоисточника, или же черпаетъ ихъ изъ второисточниковъ; говоря иначе, цѣнность сочиненія автора измѣняется его отношеніемъ къ первоисточникамъ. Понятна совершенно цѣнность работы въ указанномъ отношеніи. Всякій второисточникъ въ силу необходимости уже несетъ въ себѣ рядомъ съ подлинными воззрѣніями автора и насло-

нія на нихъ, принадлежащія перу того или другого писателя. Нашъ авторъ всюду въ основу своихъ экскурсовъ въ область каждаго вопроса кладетъ первоисточники. Читая его трудъ, въ которомъ нижній этажъ заполненъ на каждой почти страницѣ цитатами, невольно поражаешься массой труда, затраченнаго въ данномъ случаѣ авторомъ. Только старая школа могла дать такихъ кропотливыхъ, честнѣйше-заботливыхъ, усидчивыхъ тружениковъ, какимъ выступаетъ предъ нами нашъ авторъ. Нужно каждую минуту помнить, что эти постоянныя ссылки на творенія бл. Августина, эти многочисленныя параллели дѣлаются не по русскому переводу, а по латинскому тексту. Нужно очень много потрудиться надъ своимъ сочиненіемъ, чтобы довольно свободно ориентироваться въ обширномъ лабиринтѣ твореній бл. Августина. Цитируетъ творенія бл. Августина авторъ по Миню съ нѣмецкою щепетильною точностью, указывая часто не только номеръ бесѣды, страницы сочиненія, но даже и номеръ колонны, положеніе цитируемаго мѣста на страницѣ Миневскаго изданія. По мѣстамъ авторъ указываетъ даже различія текста, отыскивая ихъ въ другихъ изданіяхъ.

3. Какъ ни безконечно важны въ каждой научной работѣ первоисточники, все же имѣютъ громадное значеніе со стороны полноты изслѣдованія и второисточники: это—отраженіе первоисточниковъ въ сознаніи другихъ, такъ сказать, въ преданіи. И съ этой стороны авторъ поражаетъ насъ обиліемъ литературы, изученной имъ при написаніи своего сочиненія. Отъ древняго времени и до послѣднихъ дней, какъ въ иностранной, такъ и въ русской литературѣ, имъ собрано множество сочиненій, и не только собрано, какъ это иногда бываетъ, но и изучено тщательно. Такимъ образомъ, авторъ выступаетъ предъ нами въ полномъ научномъ вооруженіи. По крайней мѣрѣ, въ нашей литературѣ его слово по вопросу о проповѣднической дѣятельности бл. Августина является послѣднимъ словомъ.

4. Не смотря на присутствіе указанныхъ общенаучныхъ необходимыхъ аппаратовъ въ сочиненіи о. Садовскаго, оно все же можетъ быть далекимъ отъ типа настоящаго сочиненія: въ немъ можетъ не быть полноты и правильности основныхъ положеній. И съ этой стороны авторъ нашъ является почти совершенно безукоризненнымъ. Ни одинъ во-

прось (разумѣю основные, кардинальные, а не второстепенные вопросы) не оставленъ авторомъ безъ вниманія. Проповѣдническая дѣятельность бл. Августина изучена тщательно вся цѣликомъ, какъ съ чисто внѣшней стороны, такъ и съ внутренней. Изучена имъ и теоретическая разработка бл. Августиномъ вопросовъ Гомилетики. Авторъ суммировалъ въ своемъ сочиненіи все, что было сказано по этимъ вопросамъ учеными разнаго времени и что можно сказать объ этомъ въ настоящее время. И въ этомъ отношеніи, со стороны полноты изслѣдованія, сочиненіе о. Садовскаго является въ нашей литературѣ послѣднимъ словомъ. Отвѣты на поставленные авторомъ разсматриваемаго нами сочиненія вопросы даются правильные. Проповѣдническая дѣятельность великаго западнаго церковнаго витія какъ бы оживаетъ предъ нами, и снова онъ, какъ бы живой, проходитъ во всей своей чарующей прелести, привлекательности и обаяніи... Не только ученый теоретикъ-гомилетъ, но и пастырско-практикъ, читая страницы борьбы великаго западнаго витія за унижаемаго Христа и св. Церковь, найдутъ для себя не только побужденія къ подобному же служенію Христу и въ наши дни, но почерпнуть еще силу и бодрость для такой работы, и умѣніе работать въ этомъ направленіи. Наше время, какъ бы его ни порицали, не хуже времени бл. Августина. И если бл. Августинъ имѣлъ возможность бороться съ врагами Христовыми, то намъ ли не найти этихъ силъ въ настоящее время для той же борьбы.

5. Нельзя не поставить, наконецъ, автору въ заслугу его замѣчательную любовь къ богословской наукѣ, какъ бы своего рода нѣкую влюбленность въ богословскую науку, что по нынѣшнимъ временамъ стало большою рѣдкостью не только подъ часъ у тѣхъ, кто учится для „диплома“, по и у тѣхъ, кто ей призванъ служить своимъ положеніемъ. Заброшенный въ Сибирь (авторъ—Омскій Наблюдатель), находясь въ книжномъ отношеніи среди невозможныхъ условій, въ то время, когда многіе люди, сидящіе и у книжныхъ громадныхъ сокровищъ, сидятъ какъ прокаженные и больные при „Овчей Виеездѣ“ въ Іерусалимѣ, авторъ нашелъ возможнымъ довести свой трудъ до конца. Нужно удивляться этому еще и вотъ почему. Автору попался очень придирчивый рецензентъ, который заставлялъ его даже не одинъ разъ

переработывать свое сочинение, прїѣзжать къ академическимъ сокровищницамъ, выписывать различныя книги изъ заграницы. И не смотря на это, авторъ покорно подчинялся всѣмъ притязаніямъ рецензента и довелъ свой трудъ до конца. По нашему мнѣнію, дѣйствительно, только величайшая любовь къ богословской наукѣ, притомъ совершенно безкорыстная, дала автору силы на 15-мъ году послѣ окончанія имъ Академіи въ далекой и холодной Сибири окончить свой трудъ.

Но пора уже сказать намъ и о недостаткахъ разсматриваемаго сочиненія. Ничто, конечно, не совершенно подъ луной. И на солнцѣ есть пятна. Можно ихъ найти и въ сочиненіи о. Садовскаго. И даже больше того: ихъ можно здѣсь найти очень много. Творенія бл. Августина столь обширны, столь глубоко по мѣстамъ противорѣчивы, что „уязвленіе“ нашего автора—дѣло даже и весьма не трудное. Достаточно сказать, что авторъ не написалъ о томъ-то, хотя и написалъ 1002 страницы, и конецъ: недостатокъ одинъ нашелся и т. д. Съ этой стороны нашего автора можно „уязвлять“ свободно. Но насколько это будетъ справедливо? Не будетъ ли это требованіемъ отъ автора изложенія почти всѣхъ твореній бл. Августина, и, значитъ, написанія не только новыхъ 1002 страницъ, но и еще цѣлаго необозримаго ряда такихъ комплектовъ страницъ? Въ виду этого вопросъ о недостаткахъ сочиненія о. Садовскаго съ этой скользкой почвы мы переносимъ на другую, въ область уже намѣченныхъ нами достоинствъ сочиненія о. Садовскаго, и лишь въ этой области пожелаемъ ему нѣкотораго рода дополненій и разъясненій.

А. Языкъ бл. Августина по мѣстамъ отличается темнотами. Трудно его переводить и опытному переводчику. Тѣмъ труднѣе было переводить его нашему автору. По мѣстамъ встрѣчаются и у него въ переводѣ не только темноты и не только неточности, но и прямо даже неправильности... Ихъ нужно непремѣнно исправить. Можно такія мѣста, въ особенности въ первой части сочиненія, инудѣ передать и перифрастически. Мѣста эти тщательно отмѣчены мною.

Б. Какъ ни старался авторъ по возможности собрать всю литературу о бл. Августинѣ, ему этого, конечно, не удалось. Можно сказать, что имъ довольно изучена литература нѣ-

мецкая по вопросу „Августиновѣдѣнія“. Меньше французская и почти цѣликомъ отсутствуетъ остальная западная литература. Но особенно меня поразило въ этомъ отношеніи то, что авторъ почти ничего не знаетъ о вліяніи бл. Августина на нашу отечественную гомилетическую письменность и, что всего интереснѣе, письменность даже не новаго времени (ибо люди заняты теперь совсѣмъ другимъ), а древняго. Авторъ очевидно не подозреваетъ, что въ рукописныхъ памятникахъ нашего проповѣдничества до сихъ поръ можно найти множество слѣдовъ такого вліянія бл. Августина. Этотъ матеріалъ такъ обширенъ, что одинъ онъ можетъ составить обширную диссертацию. Достаточно въ данномъ случаѣ принять во вниманіе хотя бы однѣ только проповѣди Арсенія Мацѣвича.

В. Можно въ сильной степени оспаривать сочиненіе автора съ методологической стороны, со стороны распорядка обширнаго гомилетическаго матеріала, собраннаго имъ. Но о томъ, что уже сдѣлано, нечего спорить.

Г. Языкъ автора нуждается во многихъ мѣстахъ въ тщательномъ исправленіи. Можетъ быть, латинскій авторъ своими особенностями и темнотами повліялъ на него такъ неблагоприятно.

Д. Трудъ автора, безспорно, имѣетъ большое значеніе, но въ большей части своей только теоретическое, кабинетное, научное, между тѣмъ какъ массу затраченнаго имъ труда можно было бы использовать совершенно въ другомъ направленіи. Можно было бы всю и первую часть изслѣдованія замѣнить переводомъ еще не переведенныхъ на русскій языкъ бесѣдъ бл. Августина, слабдивши переводъ, конечно, краткимъ ученымъ предисловіемъ, какъ теперь уже это нерѣдко и дѣлается. Переведенныя бесѣды дали бы возможность каждому болѣе извлечь изъ нихъ пользы и чисто въ практическомъ отношеніи и чисто въ теоретическомъ дѣлѣ изученія гомилетическихъ воззрѣній бл. Августина, чѣмъ сейчасъ, тѣмъ болѣе, что по мѣстамъ автору въ своемъ сочиненіи, пришлось почти дословно повторять то (см. V гл.), что давно извѣстно даже и въ нашей бѣдной литературѣ. Но что сдѣлано, то сдѣлано.

Всѣ промахи автора, какіе я успѣлъ замѣтить въ его сочиненіи я отмѣтилъ на поляхъ, не утаивши отъ него ни-

чего „про запасъ“ на диспутъ. Покорнѣйше прошу его исправить ихъ всѣ по возможности.

По моему глубокому, искреннему, совершенно объективному убѣжденію, авторъ за свой ученый трудъ вполне заслуживаетъ искомой имъ степени магистра богословія“.

б) Ординарнаго профессора Академіи *М. М. Таръева*:

„Сочиненіе это было мнѣ вручено въ трехъ рукописныхъ экземплярахъ, изъ которыхъ второй и третій представляютъ собою переработку перваго, произведенную авторомъ по настоянію преосвященнаго Евдокима. Разница между первымъ экземпляромъ, съ одной стороны, вторымъ и третьимъ, съ другой; очень велика—во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что узнать первоначальную рукопись не представляетъ большихъ затрудненій. Напротивъ, послѣдовательность второго и третьяго экземпляровъ опредѣлить, при отсутствіи хронологическихъ помѣтъ, довольно трудно—въ виду того обстоятельства, что отмѣченное карандашемъ перваго рецензента, скажемъ, въ рукописи В, какъ нуждающееся въ исправленіи, остается безъ измѣненія въ рукописи С, а зачеркнутое и подчеркнутое въ рукописи С остается безъ исправленія въ рукописи В. Это обстоятельство говоритъ о томъ, что появленіе третьяго экземпляра уже не было обязано вниманію автора къ рецензентскимъ указаніямъ. Разница между В и С замѣчается лишь въ одномъ пунктѣ: одна изъ рукописей имѣетъ 6 главъ, а другая 7. Однако не такъ-то легко понять, въ какомъ направленіи эволюціонировало это научное произведеніе, что было, по мнѣнію автора, его усовершенствованіемъ: добавленіе-ли одной главы, или сокращеніе сочиненія. Я рассмотрѣлъ рукопись наиболѣе полную.

Въ этомъ видѣ сочиненіе о. Садовскаго имѣетъ слѣдующее содержаніе: предисловіе, введеніе и 7 главъ. Содержаніе предисловія трудно уловимо. Лучше было-бы—зачеркнуть его, оставивъ лишь указатель литературы предмета. Литературу предмета авторъ перечисляетъ два раза: разъ въ примѣчаніи и другой разъ въ текстѣ. Достаточно одного указателя. Если бы авторъ пожелалъ сохранить болѣе полный указатель, то я рекомендовалъ бы ему—или исключить изъ него тѣ труды, именованіе которыхъ онъ заимствуетъ изъ вторыхъ рукъ, какъ въ этомъ я убѣдился изъ тщательной

провѣрки цитатъ, или же выбросить фразу: (источники и пособія), „коими мы пользовались въ всемъ изслѣдованіи“.

Далѣе авторъ даетъ во *введеніи* (стр. 1—87) свѣдѣнія о жизни блаж. Августина. Въ главахъ I (88—306) и II (307—505) предлагается обзоръ вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія проповѣдей блаж. Августина. Въ главѣ III (506—603) идетъ рѣчь о внутреннихъ свойствахъ проповѣдей блаж. Августина, а въ главѣ IV (604—697) о свойствахъ внѣшнихъ. Въ главѣ V (698—757) излагаются историко-археологическія свѣдѣнія о проповѣдничествѣ блаж. Августина. Въ главѣ VI (758—845) и VII (846—943) передаются гомилетическія воззрѣнія его по сочиненіямъ *de doctrina christiana* и *de catechisandis rudibus*. Въ заключеніи (944—973) авторъ говоритъ о значеніи блаж. Августина въ исторіи проповѣди и въ исторіи гомилетики.

Планъ этотъ, выработанный, по всей видимости, подъ руководствомъ еп. Евдокима, можно одобрить. И матеріаль, распределенный авторомъ по этому плану, можно назвать солиднымъ. О. Садовскій работаль по первоисточникамъ. Изъ проповѣдей и гомилетическихъ сочиненій блаж. Августина онъ приводитъ обильныя выдержки. Кажется, имъ былъ приложенъ къ сочиненію, въ отдѣльной тетради, переводъ проповѣдей блаж. Августина, хотя до меня это приложение не дошло. Все показываетъ, что авторъ поработаль не мало.

Но обильный и хорошо добытый матеріаль недостаточно обработанъ. Главы I, II, VI и VII, составляющія большую часть сочиненія, представляютъ собою рядъ обширнѣйшихъ, нерѣдко въ 20—30 страницъ, выдержекъ изъ сочиненій блаж. Августина. Каждая выдержка предваряется авторскою ремаркой въ два—три слова; въ концѣ каждой главы дѣлается имъ краткая критическая замѣтка. Но нѣтъ ни малѣйшихъ попытокъ дать анализъ обозрѣваемаго текста, систематизировать его, установить логическую связь между отдѣльными частями его, сопоставить проповѣдническія рѣчи Августина съ другими его твореніями, оцѣнить разныя пункты его ученія. Если же авторъ приложитъ къ своему изслѣдованію переводъ проповѣдническихъ трудовъ Августина, то еще меньше будетъ оправданія для такихъ бессистемныхъ и неосмысленныхъ катенъ. Главы III, IV и V составлены поверхностно, а введеніе крайне небрежно.

Особенно же слабую сторону въ сочиненіи о. Садовскаго составляетъ нелитературность изложенія и безграмотность переписки. Вотъ какъ онъ пишетъ. „Уже по самому характеру этого сочиненія отъ автора его нельзя требовать спеціальной и обстоятельной разработки взятаго нами предмета“. „И послѣ этого не все еще было устранено, препятствовавшее Августину стать полнымъ христіаниномъ. Онъ теперь сдѣлался осторожнымъ, а эта осторожность заставляла его быть осмотрительнымъ“. „Внѣшнія обстоятельства... находятъ для себя благопріятную почву и въ характерѣ находящихся въ нихъ лицъ“. См. по рук. С стр. IV, 32, 53 — 54 и по рукоп. В стр. III, 24, 40.

Въ „безграмотности“, конечно, повиненъ не самъ авторъ, а его переписчикъ. Однако, если по небрежности корректора всѣ ошибки переписчика перейдутъ въ печатный текстъ, то мы увидимъ позорную для богословской литературы книгу. Незмѣнно во всѣхъ рукописяхъ, переписанныхъ не однимъ и тѣмъ же писцомъ, мы читаемъ: опологія, философскій и т. д. Объ иностранныхъ словахъ и говорить нечего: potrol. metaphisich и т. д. Даже на заглавной страницѣ фамилія автора написана невѣрно: *Содовскаго*, тогда какъ въ остальныхъ двухъ рукописяхъ *Садовскаго*.

Итакъ, по выработанности плана и по тщательности, съ которою добытъ матеріаль, сочиненіе заслуживало бы автору степени магистра богословія; но разрѣшено къ печатанію въ качествѣ магистерской диссертациі оно можетъ быть лишь подъ условіемъ внимательной переработки его съ указанныхъ сторонъ“.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацию Инспектора Тобольской духовной семинаріи протоіерея Димитрія Садовскаго возвратити автору для исправленія согласно замѣчаніямъ, изложеннымъ въ отзывахъ рецензентовъ, предложивъ ему, въ случаѣ согласія, за болѣе подробными руководственными указаніями обратиться къ ординарному профессору Академіи М. М. Тарѣеву.

VIII. Прошенія:

а) Законоучителя Харьковскаго I-го реальнаго училища священника *Іоанна Дмитревскаго*:

„Представляя при семъ на соисканіе степени магистра

богословія свое сочиненіе (высылаемое заказною бандеролью) на тему: „Спиритизмъ. — Опытъ изслѣдованія вопроса съ точекъ зрѣнія: естественно-научной, исторической, философской и христіанской“,—прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи дать дѣлу надлежащее движеніе.

Я окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи, со степенью кандидата—магистранта богословія, въ 1898 году“.

б) Законоучителя 2-ой Московской мужской гимназіи *священника Владиміра Страхова*:

„Представляя при семъ свое сочиненіе на тему: „Второе посланіе св. ап. Павла къ Фессалоникійцамъ. Псагогико-экзегетическое изслѣдованіе“, имѣю честь просить Ваше Преосвященство принять его къ разсмотрѣнію въ качествѣ магистерской диссертации. При этомъ долгомъ считаю заявить, что одной—пятой—главы, центральной въ псагогикѣ посланія, я сейчасъ не могу представить, такъ какъ рукопись ея находится въ настоящее время въ Редакціи Богословскаго Вѣстника, и эта глава имѣетъ быть напечатана въ мартовской и апрѣльской книжкахъ названнаго журнала. По напечатаніи, глава эта будетъ представлена мною въ Совѣтъ въ отдѣльныхъ оттискахъ“.

в) *Священники* Московской Благовѣщенской, на Березкахъ, церкви *Георгія Добронравова*:

„Представляя при семъ свое сочиненіе—„Гоненіе Ирода на христіанъ“, историческій комментарий къ XII гл. кн. Дѣяній Апостольскихъ,—почтительнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять его въ качествѣ диссертации на соисканіе степени магистра богословія, и дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Справка: 1) Священники Дмитревскій, Страховъ и Добронравовъ окончили курсъ въ Московской Духовной Академіи (первый—въ 1898, второй—въ 1907, третій—въ 1910 г.г.) со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новаго устнаго испытанія.—2) По § 110 лит. а п. 16 устава духовныхъ академій „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученія степени и оцѣнка оныхъ“ значатся въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣ-

томъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Магистерскія диссертациі священниковъ Владимира *Страхова* и Георгія *Доброуравова* передать для разсмотрѣнія сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи *М. Д. Муретову*, а диссертацию священника Іоанна *Дмитревскаго*—исправляющему должность доцента Академіи *П. А. Флоренскому*.

IX. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторыми рецензентами вышеупомянутыхъ магистерскихъ диссертаций онъ назначаетъ членовъ Совѣта—экстраординарныхъ профессоровъ Академіи: *П. П. Соколова* (дисс. свящ. Г. Дмитревскаго), священника *Е. А. Воронцова* (дисс. свящ. В. Страхова) и *Д. И. Введенскаго* (дисс. свящ. Г. Доброуравова).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Отношеніе Императорской Академіи Наукъ отъ 12 марта за № 683:

„Комиссія по устройству состоящей подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ Выставки „Юмоносоевъ и Елизаветинское время“ имѣетъ честь обратиться къ Академіи съ просьбою сообщить, въ возможно непродолжительномъ времени, не имѣетъ ли она какихъ нибудь предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ задачамъ Выставки, посвященной памяти великаго Русскаго ученаго и эпохѣ царствованія его Августѣйшей покровительницы, какъ-то: портретовъ эпохи 1740—1750 гг., официальныхъ и частныхъ документовъ и рукописей, печатныхъ изданій, предметовъ быта, искусства (живопись, скульптура, архитектура), театра и музыки, военной исторіи, торговли и промышленности, видовъ русскихъ городовъ вообще за время 1740—1750-хъ гг. и въ частности тѣхъ, которые такъ или иначе связаны съ именемъ Императрицы Елизаветы, отдѣла, посвященнаго исторіи Малороссіи, наконецъ, печатной литературы объ Императрицѣ Елизаветѣ и ея времени.

По полученіи указаній, Комиссія не преминетъ обратиться съ просьбою о высылкѣ предметовъ, которые могутъ быть интересны для Выставки“.